

Евгений Лотош

Корректор

Книга первая. Ничьи
котята

Евгений Лотош

**Корректор. Книга
первая. Нищие котята**

«Автор»

2008

Лотош Е. В.

Корректор. Книга первая. Ничьи котята / Е. В. Лотош —
«Автор», 2008

Этот мир жесток и холоден. Тех, кто возвышается над толпой, преследуют всегда. Взрослым проще: они знают правила игры, они могут затаиться, замаскироваться, не выдавать себя. Но детям, которым не известно о существовании правил, спрятаться невозможно. Особенно детям, чьи особые способности не может объяснить современная наука. Усилием воли они рвут листовую сталь и крушат железобетон, но беспомощны перед лицом равнодушной государственной машины, перемальвающей судьбы. Любая технология в первую очередь используется для создания оружия - а если ее нет, ее следует создать. Пусть даже для этого потребуются истязать десятилетних...

© Лотош Е. В., 2008

© Автор, 2008

– Ну и чем сегодня занимается наша великолепная звезда? – брюзгливо осведомились за спиной у Сураша.

Директор по безопасности раздраженно выдохнул воздух сквозь полусжатые ноздри, но не ответил. Главный директор Третьей лаборатории и сам прекрасно знал, что тематика работы доктора Касатаны засекречена по шестому уровню допуска. Ответ во всем Седьмом Департаменте Министерства обороны знали только четверо: директор Департамента, его первый заместитель и два чоки-лаборанта, помогавших доктору – если к чоки, конечно, применимо слово «знать». Даже главный директор лаборатории был не в курсе ее темы – доступная только ему и Сурашу смотровая ни на йоту не приоткрывала завесу тайны. Обширное помещение на минус пятом уровне здания по большей части заполняли абсолютно загадочные установки, пожирающие огромное количество энергии. Разобраться в них сходу (а возможно, и не только сходу) не удалось бы даже квалифицированному специалисту в области вихревых полей. Собственно, смахивало на то, что назначение и принцип их действия не понимал никто, кроме самой изобретательницы. А ее отчеты уходили непосредственно в Департамент в зашифрованном виде. И именно это и раздражало директора лаборатории.

– Как всегда, загадочна и отстраненна, – продолжал брюзжать Тарамис. – Как всегда, полностью углублена в работу. И, как всегда, в очередной раз не удосужилась отправить месячный отчет, за что начальство почему-то винит именно меня. Ну что ты на нее уставился, Сураш? Ладно бы еще твоей породы баба! Впрочем, ей и своя-то порода неинтересна, вобле сушеной...

Троль снова резко выдохнул сквозь ноздри. Директор, в общем-то, не так уж и плох – для человека. Но когда на него находит ворчливое настроение, на глаза ему лучше не попадаться: затрахаёт мозги почище любого орка. Хорошо, что доктор Касатана, увлеченная какими-то расчетами, не слышит его через толстое смотровое стекло. Иначе она наверняка нашлась бы, что именно ответить, и тогда наверняка полномасштабной перепалки не избежать. Директор по безопасности в очередной раз спросил себя, на кой он сюда вообще приперся, и в очередной раз не нашел ответа. Что-то загадочное, почти мистическое, чувствовалось в молодой человеческой женщине с огненно-рыжими волосами, собранными на затылке в конский хвост, и его тянуло на минус пятый уровень какое-то подсознательное желание увидеть ее еще раз. Возможно, играло свою роль и то, что на нее единственную во всей Лаборатории не имелось полного досье. Точнее, на нее не имелось вообще никакого досье, если не считать скудных страничек, набравшихся за время ее работы на вверенном ему объекте. Она, штатская, работала здесь по личному приказу министра обороны, и именно потому могла плевать на всех.

– Великолепная госпожа Касатана, – главный директор лаборатории нажал на кнопку включения двусторонней связи и склонился к микрофону, – доброе утро. Напоминаю, что ты снова забыла прислать месячный отчет.

Женщина отвернулась от дисплея и встала со своего места. Подойдя вплотную к бронестеклу, она с наслаждением потянулась всем телом (троллю показалось, что он услышал, как гулко забилось сердце Тарамиса) и прислонилась к стенке возле окна.

– Здравствуй, блистательный господин директор, – игриво подмигнула она. – Забыла, каюсь. А может, и нет. Может, намеренно не отослала...

– Намеренно? – настороженно переспросил директор. – Но ты должна...

– Исследования почти завершены, и через несколько дней я передам директору Департамента полный отчет о результатах, а также действующий прототип. Осталось довести до ума интерфейс системы и протестировать ее сначала на моделях, а потом на добровольцах.

– Слабо верится, – буркнул директор. – Но что еще мне остается? Наверное, с моей стороны является непростительным хамством полюбопытствовать, что именно ты все-таки конструируешь в моей лаборатории?

– Человеку, дослужившемуся до полковника, такие вопросы задавать как-то и неприлично! – фыркнула доктор. – Впрочем, на показательную демонстрацию, каковая не за горами,

вас обоих все равно пригласят. Могу и показать. Марука, активируй прототип на втором стенде! – махнула она рукой одному из чоки. Тот кивнул в ответ и, вставив в разъем на консольной панели штекер, смонтированный в подушечке указательного пальца, замер.

Несколько секунд спустя поверхность большой низкой тумбы прямо перед смотровым стеклом засветилась мягким матовым светом. Доктор Касатана подошла к столику, на котором грудой лежал какой-то металлический хлам, вытянула из него длинную железную трубу и положила на тумбу.

– Наблюдайте за руками и за стендом, – женщина нацепила на запястья блестящие браслеты, на которых замигали глазки индикаторов. – Ну, примерно вот так...

Она сделала жест, будто что-то подцепляя снизу ладонями, и внезапно труба всплыла в воздух и застыла, словно удерживаемая невидимыми руками. Доктор покачала ладонями, и труба завращалась пропеллером, потом снова замерла. Женщина сделала правой рукой резкое вертикально-рубящее движение, и труба распалась на две половинки, загремевшие по поверхности тумбы.

– Вот, что-то такое, – заключила она, снимая браслеты. – Ну как, господин полковник, впечатляет?

– Ни хрена ж себе... – потрясенно проговорил Тарамис. – Что это?

– Вихревой комбинированный эффектор с обратной связью, – пояснила доктор Касатана, явно наслаждаясь произведенным впечатлением. – Генерировать кратковременные вихревые импульсы научились уже лет пять как, но дальше дело не шло. Моя установка поддерживает три силовых манипулятора, составленные из устойчивых вихревых комплексов, гравитационных и электромагнитных, воспринимаемых оператором как продолжение собственного тела. Точнее, станет воспринимать, когда я закончу дорабатывать нейроинтерфейс.

– Госпожа доктор, вы совершили выдающееся открытие! – искренне проговорил директор. Сураш кивнул, соглашаясь. – Оно совершит переворот в промышленности, да и в военном деле тоже! Мои поздравления.

– Спасибо, полковник, – неожиданно холодно проговорила женщина. – Но эффектор еще не доведен до ума, браслеты – временное решение. В финальном варианте он должен устанавливать прямое соединение с центральной нервной системой оператора. Видите ли, господа, дело в том, что у эффектора есть еще и способность...

То, что произошло потом, директор по безопасности вайс-полковник Сураш Тamarэй долгие годы видел в ночных кошмарах. Взмахнув рукой во время своей последней фразы, женщина провела ладонью над поверхностью тумбы. И тут словно что-то хлестнуло ее по предплечью так, что рукав халата разлетелся в клочья, а руку отбросило назад. Тело женщины приподняло в воздух и завертело, словно гигантский детский волчок. Тут же словно чудовищный невидимый смерч пошел крутиться по лаборатории, круша и ломая оборудование, и сразу в трех местах прогремели страшные взрывы, затопив помещение волнами огня. Бронированное панорамное стекло разлетелось мелкими брызгами, и Сураш, успев упасть на пол и заодно уронить директора, почувствовал, как невидимая сила рассекла воздух у него над головой, выбив массивную металлическую дверь смотрового помещения и пустив паутину трещин по железобетонным стенам. Свист пожарной сигнализации мгновенно умер в реве пламени, и слабо, неуверенно сквозь него прорвался рев сирены общей тревоги.

Что там может так полыхать? – мелькнуло у Сураша в голове, пока он, хватая ртом мгновенно раскалившийся воздух, полз к выходу. Там же нет никаких горючих материалов! Плазма, горячая плазма – но откуда?? В полубессознательном состоянии, с головой, идущей кругом от жара и дыма, он выкарабкался из смотровой и бессильно распластался на бетонном полу. По коридору бежали солдаты с огнетушителями, двое споро разматывали пожарный рукав. Мигнув, погасло освещение, и тут же вспыхнула красноватая аварийная подсветка: дежурный на пульте, следуя инструкции, обесточил сектор, чтобы не допустить коротких замыканий в пла-

вящейся проводке. Наверное, где-то там, в помещении лаборатории, сейчас исходила бессильным шипением газовая система, тщетно пытаясь утихомирить стихию, но, похоже, оставалось только одно: ждать, пока внутри не выгорит все, что только может давать пищу огню.

– Господин вайс-полковник! – затормошили его за плечо. – Господин вайс-полковник! Очнись! Вот кислород!

Тролль с трудом оторвал раскалывающуюся голову от пола. Над ним склонился медик, протягивая маску со шлангом, идущим к небольшому металлическому баллону. Заместитель директора прижал раструб ко рту и несколько раз с силой вдохнул. Стало легче. Он с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как со всех сторон его подхватывают руки, помогая устоять, и огляделся.

Бессознательного директора быстро уносили на носилках. Солдаты с огнетушителями прижались к стенам, но нужды в них уже не осталось. Странно – рев пламени быстро стихал и меньше чем через минуту стих совсем. Пожарная система все-таки справилась? Шатаясь и держась за стену, тролль заглянул в обугленный дверной проем. Из смотровой тянуло дымом и гарью, но внутри стояла крошечная темнота.

– Свет! – хрипло прорычал заместитель директора. – Передайте на пульт, пусть дадут свет. И фонари сюда, живо, внутри наверняка все лампы полопались!

Для того чтобы проникнуть внутрь, дверь лаборатории пришлось вырезать автогеном. Сураш, однако, не стал дожидаться окончания процесса. Взяв в руки мощный аккумуляторный фонарь, он осторожно вошел в смотровую, скрипя сугробиками стеклянной пыли, и заглянул в оконный проем. Он направил вглубь помещения луч света – и окаменел.

В двух саженях перед ним на полу билось нагое тело доктора Касатаны Хамаяры. Наверное, человек-мужчина даже сейчас не удержался бы от восхищенного прицокивания языком при виде идеальных форм женщины. Однако взгляд тролля приковало совсем другое. Одежда сгорела дотла, но на нежной женской коже не виднелось ни ожога, ни царапинки. Перепачканные золой рыжие волосы словно и не купались только что в море огня, и лишь покрывавший ее толстый слой пепла напоминал о недавнем буйстве пламени. Тело подергивалось и извивалось, изо рта женщины вырывались нечленораздельные звуки, и пепел рядом ней то и дело взвивался в воздух, словно бичуемый невидимыми хлыстами.

– Она жива? – потрясенно пробормотал кто-то рядом с ним. – Что за мистика здесь творится?

Сураш перемахнул через оконный проем и осторожно приблизился. Вернее, попытался приблизиться – воздух перед лицом со свистом рассекло что-то быстрое и невидимое, и он поспешно отшатнулся назад. Что-то остро кольнуло его в шею, и он дернулся, изворачиваясь, словно от внезапного удара ножом. Но боль прошла так же мгновенно, как и возникла.

– Не входить в помещение! – гаркнул заместитель директора. – Опасно! Пожарной команде и охране немедленно вернуться в свои помещения! Спецзвод сюда, живо! И чтобы замдиректора по науке явился сюда максимум через пять минут!

Он перепрыгнул через проем в обратную сторону и почти вышвырнул из смотровой нескольких человек с фонарями, потрясенно наблюдавших за разгромом в помещении. Надо срочно связаться с руководством Департамента, мелькнула у него мысль. Срочно!

Его мозг уже работал, быстро перебирая варианты действий, но на сердце становилось все тяжелее. Исследовательское помещение разгромлено. Чудовищно дорогие экспериментальные установки уничтожены практически полностью. Доктор Касатана невменяема и неприкосновенна в прямом смысле слова. Директор без сознания, и хорошо если он не слишком сильно приложился головой, когда падал. И материалы – сохранились ли материалы экспериментов? Достаточно ли в отчетах деталей, чтобы восстановить сделанное?

Но главное – почему женщина осталась целой и невредимой в огненном шквале, оплавившем даже металлические части установок и оставившем лишь кучки пепла от киборгов-помощников?

Кто она такая... нет, не так. Что она такое – доктор Касатана Хамаюра?

10.05.843, златодень

– Как дела на работе?

Цукка слегка дернула плечом. Отвечать на дежурный вопрос настроения не было совершенно. К тому же мачеха наверняка и не ожидала ответа. Ну какие дела у продавщицы в универсальном магазине? Прилавок – витрины – покупатели – гудящие под конец дня ноги и усталые от постоянно приклеенной улыбки губы...

Она поковырялась в жареном рисе, вытащила из него креветку и сунула ее в рот. Как же все-таки им сказать? Отец по-настоящему беспокоится о ней, да и мачехе, в общем, она не безразлична. Конечно, у Танны голова куда больше болит о своих детях, но и о падчерице она пытается заботиться – насколько вообще можно заботиться о чужом, к тому же совершенно-летнем ребенке... Забавно. Похоже, самое сложное все-таки не принять решение, а сказать о нем родителям.

Кончай терзаться, мысленно одернула она себя. Не руби кошке хвост по частям. Все равно сказать придется, и придется именно сегодня. Ты ведь твердо решила, что не хочешь более оставаться обузой? Вот и славненько. Ты уже взрослая девочка, так что и веди себя соответственно.

– Папа, мама! – она подняла голову от тарелки и со стуком отложила вилку. – Я хочу вам сказать, что... – Она осеклась. Горло перехватило. Еще одна фраза – и пути назад уже нет.

– Да, милая? – Отец оторвался от газеты и посмотрел на нее поверх очков. Ринрин и Тарс перестали пихаться локтями и тоже выжидающе уставились на сестру. Танна не прореагировала – она продолжала сосредоточенно жевать рис. Похоже, мачеха за день устала не меньше Цукки. Девушку кольнуло легкое чувство вины. В конце концов, та тащит на себе целый дом.

– Я... в общем, я решила, что мне пора жить самостоятельно. Я уже взрослая, сама зарабатываю на жизнь. Вчера заведующий секцией сообщил, что мне немного увеличили жалование... ну, и я посчитала, что теперь вполне могу снимать комнату.

– Не говори глупостей, милая! – отец осуждающе покачал головой. – У тебя уже есть своя комната в нашей квартире. Зачем тратить деньги впустую?

Он отложил газету.

– Я уже говорил, Цу, что ты для нас не обуза. Да, ты уже взрослая девушка – куда только ушло время! Но это не значит, что теперь ты должна бросить нас или мы должны вышвырнуть тебя. Я понимаю, что ты все еще переживаешь неудачу с университетом, но год пролетит незаметно. Следующей зимой ты обязательно поступишь.

– Папа, ты не понимаешь! – чуть не плача, Цукка сжала кулаки. – Я уже действительно взрослая. Мне пора начинать отвечать за себя самостоятельно! Если я буду все время опираться на тебя, на Танну, я не смогу сконцентрироваться на подготовке. Я так и продолжу плыть по течению – твой дом, потом дом мужа, дети, кухня, магазины... Я хочу стать самостоятельной!

– Но ты уже самостоятельная! – отец беспомощно пожал плечами. – Ты давно не берешь у нас деньги, вносишь свою долю платы за квартиру... Разве самостоятельность в том, чтобы бросить семью и уйти в пустоту?

– В том числе, – Цукка упрямо уставилась в стол, избегая отцовского взгляда. – Папа, я тебя люблю. Я вас всех очень люблю, но я должна уйти. Я стану звонить, приходить в гости, но мне пора заботиться о себе самой. Я... нашла комнату. Сегодня десятое, до конца периода еще четырнадцать дней, но хозяин согласился взять плату вперед только за неделю. То есть

шесть дней, почти целую неделю, я смогу жить бесплатно! Но у него есть условие – он хочет, чтобы я въехала сегодня.

...только бы они поверили ее басне! Хозяин уже вытребовал полную месячную плату за период вперед...

– То есть ты уходишь прямо сейчас? – растерянно спросил отец. – Танна! Ну скажи же ей!

– Могу только повторить за твоим отцом – не делай глупостей, Цукка, – мачеха устало взглянула на девушку. – Да, птенцы рано или поздно выпархивают из гнезда, но нет нужды вот так внезапно принимать решение. Даже если хочешь жить отдельно, незачем бросаться головой в омут прямо сейчас. Останься хотя бы до завтра – раз у тебя выходной, переберешься спокойно. А может, еще подумаешь и решишь остаться, спешить и в самом деле некуда.

...именно этого я и боюсь – что подумаю и решу остаться. Что решимость иссякнет, что поддамся на уговоры отца и не смогу уйти...

– Не решу, – качнула головой девушка. – Ринрин и Тарс уже большие, им пора жить в отдельных комнатах. Вот Ринрин и переедет в мою, ей и кровать подойдет, и стол для занятий есть. А я уже собрала сумку – я взяла постельное белье на первое время, ладно? – и сейчас уйду. Завтра у меня внеочередной выходной, накопилось несколько штук за сверхурочную работу, так что смогу обустроиться на новом месте. А если до утра останусь, на место попаду только к обеду, и хозяин ругаться станет.

– Но Цу!.. – отец беспомощно заморгал. Девушка вздрогнула, заметив каким старым и потрепанным он выглядит сегодня. Хорошо бы у него не возникло неприятностей на работе...

– Нет, папа! – девушка отодвинула тарелку и решительно встала. – Я должна. Простите, что все вышло так... так... внезапно, но я решила.

Твердым шагом она вышла из кухни. Короткий коридор, дверь слева – ее комната. Бывшая комната. Внутри со вчерашнего дня ничего не изменилось, но каким-то неуловимым образом она стала чужой. Не ее.

Цукка обвела взглядом интерьер, словно в первый раз рассматривая обстановку. Низкая кровать возле стены. Вплотную придвинутый к окну письменный стол, сиротливо голый, избавленный от обычного бумажного беспорядка. Старый-старый терминал, даже не терминал, а настоящий компьютер – с встроенными в потроха программами, правда, уже давно не использующимися. Полки со старыми бумажными книгами, по большей части детскими, давно забытыми – теперь их самое время читать брату с сестрой, и несколько жмущихся друг к другу не менее старых пособий для подготовки – «Курс физики для поступающих в университет», «Начала общей математики», «Интегральное исчисление»... Надо потом их забрать. Или не надо? Один раз она уже провалилась, пытаясь по ним готовиться: программы для поступления изменились, а новые пособия – только электронные. Значит, придется как-то копить средства на новый терминал и книги... На полу – вытертый ковер с рисунком в виде желто-зеленого ромбического орнамента на белом фоне. Пара стульев. Шкаф для одежды, сейчас наполовину пустой.

И сумка. Большая дорожная сумка в углу, доверху набитая: несколько платьев, белье – нательное и постельное, гравюра по металлу – серебряное дерево на холме на фоне золотого заката, туфли, пелефон, мелкий хлам, с которым жалко расставаться... Чужеродный предмет, превративший давнее убежище от невзгод в чужое полужнакомое помещение.

Нет. Хватит терзать себя. Что обрублено, то обрублено. Цукка подхватила сумку и, скобочившись от тяжести, вышла в прихожую. Отец с мачехой уже ждали там. Притихшие брат с сестрой выглядывали из кухни.

– Цу... – отец положил ей руку на плечо и печально взглянул в лицо. – Может, все-таки передумаешь? Останься хотя бы до завтра.

– Нет, папа.

Девушка поставила сумку на пол и осторожно поцеловала отца в щеку. Поколебавшись, поцеловала и мачеху. Неожиданно та протянула руку и ласково погладила Цукку по волосам.

– Наверное, я была тебе плохой матерью, – сказала она задумчиво. – Твоя настоящая мама меня не одобрила бы. Мне исполнилось лишь чуть больше, чем тебе сейчас, когда я выходила за твоего отца. Я просто не знала, что делать с внезапно появившейся семилетней дочерью. А потом... не сложилось. Ты так страдала из-за смерти матери, что я не смогла подружиться с тобой. Жаль. Но я хочу, чтобы ты помнила – здесь твой дом. И ты всегда можешь вернуться, если что-то не получится. Мы пока не тронем твою комнату.

– Да, Цу, – отец притянул ее к себе и обнял. – Ты всегда можешь вернуться. Я знал, что ты рано или поздно оставишь нас, ты характером в мать, такая же упрямая. Просто... как-то все вышло неожиданно.

Он отстранился и взглянул ей в глаза.

– Ты ведь не забудешь нас, да? Станешь приходить в гости? Звонить?

– Да, папа, – кивнула Цукка, пытаясь сдержать наворачивающиеся слезы. – Обязательно.

И вы ко мне приходите.

Она быстро сунула ноги в сандалии, распахнула дверь, подхватила сумку и вышла. Уже на лестнице она обернулась и еще раз взглянула на свою семью. Отец, мачеха и брат с сестрой смотрели на нее через дверной проем, словно из другой, милой и теплой жизни. Той жизни, где ребенком она могла прибежать к отцу на колени и, заливаясь слезами, протянуть палец с чернеющей под ногтем занозой. Где в вечернем сумраке горели золотым огнем домашние окна, обещая убежище от невзгод и недругов. Где утреннее солнце било в заспанные глаза, а тиканье будильника на столе ласково убаюкивало в ночной темноте...

Все в прошлом. Будущее холодно и неопределенно, и для начала ей придется привыкнуть жить одной. Возвращаться в пустую темную комнату большого дома, кивать в коридоре общей квартиры таким же, как она, девушкам-одиночкам, снимающим соседние комнаты, раз в период платить деньги равнодушному хозяину, а еще расплачиваться по счетам за землю, электричество, воду и зимнее отопление. Таково будущее, к которому придется привыкнуть.

Она прощально махнула рукой и потопала вниз по ступенькам лестницы.

До своей новой квартиры она добралась на удивление быстро. Нужный трамвай пришел почти сразу, так что мыслишка шикануть и взять такси умерла в зародыше. На Подгорной улице она оказалась около пяти вечера – солнце уже коснулось гребня горы, но еще не успело зайти за него. Бросить сумку, распаковать, совершить краткую экскурсию по окрестностям на предмет продуктовых и прочих магазинов – и лечь спать пораньше, в семь-полвосьмого. А завтра с утра подняться вместе с солнышком и обустроиться уже основательно: вычистить комнату сверху донизу, закупить продуктов на ближайшее время, прикупить какую-никакую посуду и, возможно, даже старый толстый телевизор где-нибудь в комиссионном магазине. Опять же, познакомиться с соседями, основательно погулять по окрестностям, выяснить, где какой транспорт ходит, где можно поймать такси при необходимости и где какие отделения банков... Ой, нет. С соседями не получится – завтра земледень, люди на работе. Придется в другой раз. А послезавтра – на работу, и снова пойдет обычная рутина. Только вот возвращаться придется уже не домой, а в пустую комнату к холодной плите и дребезжащему хозяйскому холодильнику.

Она тихонько вздохнула и зашагала к трехэтажному дому сажень в пятидесяти от остановки трамвая. Сумка тянула вбок и вниз, и Цукка пожалела, что не оставила половину барахла дома. Все равно еще раз возвращаться, хотя бы за учебниками. Да и рассказать, где и как устроилась, родителям надо.

У двери она нащупала в кармане пластинку ключа и вставила ее приемную щель. К ее удивлению, над замком вспыхнул и замигал красный огонек, а засов и не подумал отпираться.

Она повторно сунула ключ – с тем же результатом. Что такое? Неужели ключ испортился? Она ведь проверяла его вчера вечером!

Все еще недоумевая, она нажала кнопку домофона рядом с фамилией хозяина.

– Кто? – несколько секунд спустя спросил хриплый мужской голос.

– Господин Януси, добрый вечер – заторопилась Цукка. – Здесь я, Цукка Мерованова. Вчера я сняла у вас комнату. Я войти не могу, ключ не действует.

– Госпожа Цукка? – переспросил голос. – Сейчас спущусь, жди.

Минуту спустя дверь распахнулась. Цукка облегченно вздохнула, подхватила с земли сумку и сунулась вперед, но тут же вынужденно остановилась. Вопреки ожиданиям хозяин воздвигся в дверном проеме и отодвигаться не собирался.

– Э-э... могу я пройти, господин Януси? – осведомилась девушка, недоуменно глядя на него.

– Видишь ли, госпожа Цукка, – хозяин смущенно почесал в затылке, – я твою комнату другому сдал. Извини, так получилось. Вот...

Он сунул девушке в руку тугой бумажный сверток – та машинально взяла – и вынул ключ из ее ослабевших пальцев.

– Но я же заплатила... – слабо произнесла она.

– Ну, заплатила, – хозяин пожал плечами. – А тот парень заплатил больше. Ему, видать, нужнее. Деньги я тебе вернул, так что прощай.

– Но куда я пойду! – Цукка чуть не плакала. – Вечер же! Поздно! Мне идти некуда!

– Твои проблемы, – хозяин еще раз пожал плечами. – Вверх по улице, в старой роще, кажется, есть отель. Сегодня там переночуешь, а завтра подыщешь себе другое жилье.

Дверь с грохотом захлопнулась, и Цукка почувствовала, как по щекам катятся слезы. Мир, казалось, рушился вокруг нее. Куда ей сейчас? Домой? Невозможно. Сначала решительно заявить, что уходит, а потом вернуться? Ни за что! Лучше ночевать на улице. Вот ляжет прямо здесь и заснет на камнях!.. Или нет, она пойдет в полицию! Ведь они договорились, она отдала деньги!

Договорились? А где договор? Она просто отдала деньги. Без подписей, без свидетелей. Деньги? Она взгляделась в сунутый в руку сверток. Да, похоже, все здесь. И за то спасибо. Мог бы и не вернуть.

И вообще, возьми себя в руки, дура, зло сказала она себе. Ишь ты, разнюнилась! Подумаешь, в дом не пустили. Этот гад не последний, небось, домовладелец в городе. Найдет она себе другое жилье. Тем более, завтра на работу не надо. Купить газету и внимательно просмотреть раздел с объявлениями, дел-то. А сейчас нужно искать отель. Время еще детское, и если поторопиться, она успеет найти себе комнату. А если нет... пятый период в нынешнем году на удивление теплый, а в сумке лежит плотная кофточка. Так что она и на скамейке не замерзнет. А можно сесть на трамвай и доехать до вокзала – там есть зал ожидания, можно подремать ночь, сидя в кресле.

Что эта сволочь сказала про отель вверх по улице? Надо посмотреть – вдруг он достаточно дешевый, чтобы переночевать. Девушка сунула деньги в нагрудный карман блузки, тяжело вздохнула и, перехватив сумку в другую руку, зашагала по улице.

Саженой через тридцать дорога резко пошла вверх. Еще через тридцать саженой Цукка почувствовала, что сумка наливается неподъемной тяжестью. Солнце уже наполовину опустилось за гору, и на улице начал сгущаться вечерний сумрак. Одно за другим вспыхивали окна домов. Тускло, но с каждой секундой все ярче разгорались фонари. Она бросила взгляд на часы. Пятнадцать минут шестого. К шести стемнеет окончательно – и как она станет искать отель? Хотя, наверное, возле него должна светиться вывеска...

Двадцать минут спустя она выдохлась окончательно – и не только физически. За очередным крутым поворотом улица внезапно кончилась, и последний фонарь осветил каменную

площадку над обрывом, обнесенную фигурной металлической оградкой. Дорога шла и дальше, но по обеим ее сторонам возвышались массивные стволы деревьев. Судя по белым свечкам цветов в не по-весеннему густой листве и характерному запаху, витавшему в воздухе, – мароны. Значит, здесь улица кончается? Но где же отель? Наверное, она пропустила его в сумерках. Или гад-домовладелец что-то напутал. Или просто соврал, чтобы отвязаться...

Она устало плюхнула сумку на плиты смотровой площадки и оперлась о перила. Отдышавшись, она внезапно осознала, что перед ней открывается великолепный вид на бухту. Закрытое горами солнце уже ушло с ее поверхности, и внизу расстиралось море огней: сначала бегущее по склонам гор вплоть до угольно-темной по вечернему времени зоны цунами, а потом начинающееся снова, плавно переходя в еще освещенный противоположный берег Масарийской бухты. По воде сновали увешанные сигнальными огнями катера; неспешно двигалась пара больших сухогрузов и танкер, торопящиеся разгрузиться у пирсов, залитых светом прожекторов; мигали габаритные огни на могучих заслонках защитных эллингов, ночью прикрывающих от возможного буйства морской стихии изящные яхты, сейчас скользящие далеко в океане... Несмотря на вечер, бухта кипела жизнью. А за ней, видный сквозь узкую горловину бухты, расстирался залитый вечерним солнцем океан, и красно-золотая рябь бесчисленных волн бежала по его поверхности. Оттуда налетал соленый морской бриз, оставляя на губах вкус моря, приглашая взмыть с площадки, широко распахнуть ему объятия и чайкой полететь все выше и выше, к темно-синему небу, в котором все ярче начинал светиться восходящий Звездный Пруд. Айтес, Пураллах, Мутаэра, Двойной краб, Фибула Назины, Дельфин, Рубиновый ромб и другие созвездия драгоценными камнями проявлялись на темнеющем бархате космоса, и она задохнулась от восторга, привычного, но каждый раз словно испытанного впервые в жизни.

Я обязательно поступлю в университет, пообещала она небу. Продолжу заниматься вечерами и утрами, ходить в библиотеку, читать учебники – и обязательно поступлю следующей весной. Я выучусь на астронома, стану изучать Вселенную, и может быть – почему нет? – именно мне повезет открыть сигналы чужих цивилизаций, что живут там, в ядре Галактики или же на дальних ее окраинах. А может, если помечтать, однажды именно я первой встречу с инопланетными братьями по разуму и от имени всей нашей цивилизации скажу им...

Гулкий вой сирен заставил ее встрепетаться. Она прислушалась. Цунами-предупреждение, время подхода волны – два часа семьдесят минут. Огни катеров задвигались, меняя траектории движения, смещаясь к берегу, в сторону безопасных эллингов. Танкер и один из сухогрузов начали заметно снижать скорость и разворачиваться. Другой сухогруз низко прогудел, подтверждая – раз, второй, третий, но продолжал двигаться к пирсам: вероятно, капитан рассчитывал выгрузить хотя бы часть карго до того момента, когда придется срочно выходить в океан, носом встречая не страшную на глубоководье, еще медленную и низкую волну. Меньше трех часов – а ему еще нужно пришвартоваться, потом отшвартоваться и отойти от берега по крайней мере на три версты. Да и краны нужно успеть укрыть за защитными стенами. Или корабль идет полупустым?

Девушка вздохнула. Цунами – не ее проблема. Ей надо тащиться обратно. Хорошо хоть вниз, под горку. В итоге она потеряет час. Как бы и в самом деле не пришлось ночевать на вокзале...

– Красивый вид, верно?

Она резко обернулась на голос. В сажени от нее стоял невысокий парень, на вид чуть старше ее самой. Черные волосы аккуратно зачесаны назад, узкие глаза над высокими скулами смотрят изучающе и спокойно. Свободная рубашка с короткими рукавами и светлые шорты из тонкой ткани, пожалуй, легковаты даже для такой теплой не по сезону погоды. Паренек стоял не двигаясь, и напрягаясь Цукка слегка расслабилась.

– Прости, что напугал тебя, госпожа, – смущенно сказал он. – Я люблю иногда приходиться сюда вечером, чтобы посмотреть на бухту. Звезды в небе, звезды на склоне и звезды на воде – красиво, правда?

– Ты поэт? – поинтересовалась Цукка. – Ты так красиво говоришь...

– Нет, – слегка улыбнулся парень. – Умение рифмовать среди моих разносторонних талантов не числится. Меня зовут Дзинтон. Дзинтон Мураций. Рад познакомиться, госпожа. Прошу благосклонности.

– Я Цукка Мерованова, – Цукка почувствовала, что щеки ее начинают теплеть от смущения. С ней редко разговаривали так вежливо. – Рада познакомиться, господин Дзинтон. Благодарность пожалована.

– Спасибо, госпожа Цукка, – Дзинтон кивнул. – Ты не возражаешь, если я постою рядом?

– Я... – Цукка смутилась еще больше. – Вообще-то я уже ухожу. Мне нужно в город.

Дзинтон окинул ее внимательным взглядом.

– Ты с дорожной сумкой, госпожа Цукка. На окраине города, да еще вечером – наверное, у тебя есть серьезная причина торопиться. Могу я тебе чем-то помочь? Если хочешь, я донесу твою сумку до трамвая. Или помогу поймать такси.

– Не надо, – качнула головой Цукка. – Скажи, господин Дзинтон, ты не знаешь, есть ли здесь отель? Мне сказали, что он где-то вверх по улице, но я, наверное, его пропустила.

– Отель? – Дзинтон удивленно взглянул на нее и замялся. – Ну... видишь ли, госпожа, отель здесь неподалеку действительно есть. Туда, дальше по дороге, через мароновую рощу. Но он не работает.

– Как не работает? – охнула Цукка. – Ой... впрочем, все равно. Найду какой-нибудь другой.

– Он не работает, как я слышал, уже много лет. Но я... – он снова замялся, словно намереваясь признаться в чем-то ужасном. – Я там живу.

– Как – живешь? – удивилась девушка, от неожиданности приоткрыв рот. – Ты же сам сказал – он не действует.

– Ну... да, не действует. Но когда я бродил по окрестностям, заметил, что входная дверь не заперта. Я и решил... в общем, пока хозяев тут нет, зачем дому стоять пустым?

Кажется, он тоже покраснел? Ничего себе! Совсем как в мистическом романе: заброшенный дом, а в нем – таинственный незнакомец!

– Госпожа Цукка, – поколебавшись, продолжил парень, – могу ли я предложить тебе провести ночь в моем отеле? Ты не думай, я не стану приставать, – поспешно добавил он. – Просто сейчас вечер, а искать другой отель тебе неподручно. Ну, или, если хочешь, я донесу тебе сумку до трамвая.

Внезапно Цукка почувствовала, как гудят ноги. Сначала шесть часов в магазине, потом дорога домой, потом сюда, да еще и сколько протопала в гору... Ей стало страшно неохота тащиться куда-то еще. Согласиться? Одна, с незнакомым парнем, в заброшенном доме? А ну и ладно! Пусть даже приставать станет – в конце концов, она уже давно не девочка, знает, откуда дети берутся. Вряд ли Дзинтон маньяк, который разрежет ее на кусочки и съест. И вообще, он довольно симпатичный и вежливый.

– А далеко до отеля? – нерешительно поинтересовалась она.

– Да нет, совсем рядом, – задумчиво сообщил парень. – Ну, кому как, конечно. Моих минут пять ходьбы. Пошли, я покажу!

Не дожидаясь ответа, он подхватил с земли сумку Цукки и, приглашающе махнув рукой, пошел вверх по дороге в сторону рощи. Девушка мысленно вздохнула и заковыляла за ним. Пять минут – а, скорее, десять, с ее-то усталостью и в гору!

– А как хоть называется твой отель, господин Дзинтон? – осведомилась она у спины парня.

– Да как видится, так и называется, – пожал тот плечами, полуобернувшись. – «Мароновая роща».

До отеля они добирались, кажется, сто лет. Дзинтон свернул с широкой дороги и пошел по тропинке напрямик. В быстро сгущающемся мраке деревья и кусты все ближе и ближе подступали к дорожке, постепенно превращающейся в узкую тропинку, затеняя даже тот свет, что давал Звездный Пруд. Цукке стало уже по-настоящему боязно (а вдруг ее провожатый все же маньяк?), но тут ее спутник коротко сообщил:

– Пришли.

Долго скрипнула дверь, и в темноте ярко вспыхнула лампа над хлипкими дощатыми воротами, осветив вход в небольшой внутренний дворик, окруженный глухими саженной высоты стенами. Одновременно зажглась лампа на другом конце дворика – над входом в невысокое двухэтажное здание.

– Заходи, госпожа Цукка, – Дзинтон сделал приглашающий жест рукой. – Выключатель вот здесь, справа от входа. В доме, возле входной двери, стоит парный. Свет можно включать и выключать любым из них.

Он прикрыл ворота за вошедшей Цуккой и прошел к крыльцу. Щелкнул еще один выключатель, и прихожая осветилась изнутри.

– Здорово! – искренне сказала Цукка, останавливаясь на пороге дома. – Настоящий отель. И стекла целые. Я думала, раз он заброшенный, то развалившийся, осыпавшийся, крыша поехавшая... А он словно после ремонта. Только грязно немного.

– Да разве тут грязно! – пожал плечами юноша, сбрасывая обувь и поднимаясь на высокий пол. Цуккину сумку он поставил на пол. – Я ведь подметаю... иногда. Ну, пыли немного, ну и что? Главное, не дует. Здесь по десятку комнат на этаже, но первый этаж в основном хозяйственный – вон там столовая, потом кухня, дальше подсобка для продуктов, комната дежурного, кладовые какие-то. Жилых только пять комнат в дальнем конце. Зато на втором этаже все жилые. Если тебе надо, то туалет и ванная и в ближнем конце коридора, и в дальнем – на обоих этажах. Горячая вода есть. Я занял комнату на втором этаже сразу у лестницы, ты выбирай любую оставшуюся. Кстати, советую второй этаж, на первом иногда бегают лесные мыши. Наверное, где-то дырки прогрызены.

– А разве в заброшенных домах не отключают воду и электричество? – поинтересовалась девушка, с любопытством засунув нос в кухню. – Ух ты, какая плита! Электрическая?

– Ага, электрическая. Только микроволновки нет. А свет и воду тут действительно отключили. Но вода перекрывается обычными вентилями в подвале, а запор на электрощитке обходится элементарно – пару проволочек правильно прикрутить, и все, – Дзинтон пожал плечами. – А учет воде и электричеству ведут компьютеры, им неинтересно, кто и как тут живет. Просто раз в период в почтовый ящик счета бросают, даже не на владельца выписанные, а на отель. Если платить, никто и не заметит.

– Замечательно, – Цукка задумчиво поскребла пальцем косяк. – А если хозяева вернуться?

– Ну, извинюсь да и дальше пойду. Не убьют же они меня, в самом деле. Я ничего не портил, все аккуратно. А тут в радиусе пяти верст еще пара брошенных отелей, там где-нибудь и устроюсь. Они в тридцать первом позакрывались. Я читал, что в те времена такое в порядке вещей было. Помнишь, когда в Коралловом архипелаге куча новых вулканов выросла? Штуки четыре надводных и еще фиг знает сколько подводных. Там все время трясло, сюда волна каждый день приходила, иногда и не по разу, пляжи для серфинга даже и не открывали. Через полгода туристы окончательно приезжать перестали, так что местные отели по большей части обанкротились и закрылись. Власти даже от налогов их владельцев освободили, чтобы не добивать окончательно. Какие-то потом снова открылись, но часть так и осталась брошенными.

– Знаю, отец рассказывал, – девушка вздохнула. – Он у меня в порту бухгалтером работает, мне-то тогда лишь шесть лет исполнилось, я и не помню ничего. Он говорил, что оба

пароходства почти закрылись. Сухогрузы даже разгрузиться толком не успевали – только половину, а то и треть карго выгружали, как давали цунами-предупреждение, и приходилось все бросать и срочно уходить в море. Суда днями, а то и неделями болтались на дальнем рейде в ожидании разгрузки. А ведь каждый день простоя стоит ой как дорого! В общем, грузы пошли по большей части железными дорогами, так что порт почти встал. Половину работников уволили, отец чудом удержался.

– М-да, – поскреб в затылке Дзинтон. – Случается. Ну ладно, госпожа Цукка, устраивайся. Если есть хочешь, в холодильнике оставалась вареная картошка... кажется. И колбаса. И батон где-то там на холодильнике лежит, еще не должен засохнуть. А я пока пойду поработаю чуток.

Он махнул рукой и через две ступеньки взбежал по лестнице.

Цукка неслышно хихикнула. Мужчины! «Колбаса... кажется!» – про себя передразнила она спутника. Свинюшки они немытые. Как можно не знать, что лежит в холодильнике? Ну ладно, завтра она ему в благодарность приготовит настоящее цурме. С курицей, рисом и специями. Жаль только, магазины отсюда далековато. А ведь ей еще жилью себе подыскивать. Ну, тогда план такой: с утра пораньше сбежать в город, купить продуктов – а заодно и газету с объявлениями, приготовить шикарный обед, а потом спокойно подобрать себе жилье. И без нервотрепки туда перебраться.

Она подхватила сумку и протопала по коридору в первую жилую комнату. Та выглядела почти пустой: кровать с голым пыльным матрасом, одинокий стул и небольшой шкаф. Зато в шкафу нашлись подушка и одеяло – а постельное белье она захватила с собой. Заправив кровать, Цукка сходила в душ и несколько минут стояла, наслаждаясь струями горячей воды, но потом спохватилась – платить-то Дзинтону! Завернувшись в простыню, она прокралась по непроглядно-темному коридору и юркнула в свою комнату. Интересно, а все-таки – он собирается приставать или нет?

Если парень и держал в голове какие-то неприличные намеренья, воплощать их в жизнь он не торопился. Слегка разочарованная, Цукка забралась под одеяло и неожиданно быстро заснула.

Черная душная тьма. Горячий жар, окутывающий тело. Боль в сгибе локтя: привычно уколола воткнувшаяся игла. Неприятно внизу: из тела выходят, выскальзывают трубки. Плотная маска, облегающая глаза, и тонкое зудение в голове – далекое, бесплотное, не дающее сконцентрироваться, не позволяющее почувствовать свои невидимые руки.

Как меня зовут? Я не помню.

Как меня зовут? Это очень, очень важно вспомнить. Я не должна забывать. Имя – последнее, что у меня осталось. Как меня зовут?

Я – Карина. Кара. Каричка. Мама, забери меня отсюда! Я не хочу здесь оставаться! Мне больно, мне очень больно! Пожалуйста! Я – Карина!

Голоса.

– Ну что уставился, кретин? Голую девчонку никогда не видел? Сходи в баню и пялся, сколько влезет, маньяк недоделанный! Вахта, захваты раскрыты, катетеры вышли. Давай шустрее двигайся, идиот.

Давящее чувство в шее, лодыжках, запястьях, на талии отпускает, но саднящая боль в стертой коже остается. Я не хочу! Я не хочу опять на стенд! Мне больно, мне плохо! Пожалуйста!..

Она раскрывает рот, но из него вырывается только хриплый стон.

Твердые холодные руки подхватывают ее под плечи, за ноги, ее тело на краткий момент взмывает в воздух, потом снова опускается на жесткую поверхность. Зудение в голове усиливается.

– Блокиратор в «саркофаге» действует? Проверь еще раз.

– Да что ты пристал? Действует, конечно. Проверял я его вчера.

– Дубина! Ты что, не понимаешь, что произойдет, если блокиратор откажет в коридоре? Тебе ради своей шкуры лень еще раз тест запустить? Заткнись и делай, что сказано, а то рапорт на тебя подам.

– Слушай, Джок, ты что сегодня такой напряженный? Можно подумать, в первый раз чудище в лабораторию везешь. Мы же ее уже столько таскали! Она же смирная, как щенок, не то что некоторые.

– Да мне плевать, сколько! Я жить хочу, понял? Мне не платят за то, чтобы подышать с оторванной башкой. Все, кончай действовать на нервы. Сначала тому молодому умнику при-спичило в первом часу ночи эксперимент устроить, а теперь еще и ты тут выкаблучиваешься! Тест запустил?

– Запускаю...

Зудение в голове усиливается, волной накрывает ее целиком, и она тонет в нем, беспомощно открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег. Что такое «рыба»? Что такое «берег»? Она не помнит. Она помнит только самое важное – ее зовут Карина. Карина Серенова. И мама за ней не придет. Она никогда не придет, потому что умерла много лет назад. Я не хочу снова!! Волна уходит, но зудение остается – оно всегда внутри, когда она не привязана к стенду. Если бы оно пропало хотя бы на минуту или две, чтобы она успела дотянуться своими невидимыми руками хотя бы до тех, кто рядом!

Глухо стучает крышка, и голоса отдаляются, глоснут, но не смолкают окончательно. Она плывет в черной пустоте, и только где-то сбоку кружится и пляшет многоцветная радуга. Она всегда где-то сбоку, ее не увидеть, как ни поворачивайся. Ее даже не поймать невидимыми руками, потому что на стенде ей больно и плохо, а в темной комнате она не чувствует их из-за шума в голове.

– Вахта, команда три пошла. Направление – стенд номер пять.

Ящик слегка дергается, и ее прижимает плечом к твердому холоду. Сейчас ее настоящие руки свободны, и при желании можно ощупать изнутри железные стенки. Но она не станет. У нее нет сил.

Дрожь от катящихся по полу колесиков ящика – и тишина.

Как хорошо... тихо... в голове нет зудения... Нет зудения? Тихо?

– Джок! Красный сигнал! Блокиратор вырубился! Смотри!

Теперь она снова чувствует свои невидимые руки. Они сжаты в тугие комки...

– Вахта, у нас ЧП – отказал блокиратор «саркофага»! Разворачивай его, быстро! Обратно в камеру, пока она не очуха...

Ее невидимые руки с силой распрямляются, и выбитая крышка ящика с громким звоном отлетает в сторону. Настоящие руки, с трудом сгибаясь, царапают маску – содрать, отбросить, увидеть! А еще теперь она может видеть и не-глазами тоже! Свет режет глаза – две расплывчатых фигуры в халатах отступают назад – своими не-глазами она видит ужас, искажающий их лица – ее невидимые руки хлещут во все стороны, словно пучок разъяренных змей – одно тело с силой врывается в стену и оседает – голова второй фигуры трескается и разлетается, теплые капли на всем теле, соленый вкус на губах – встать! Встать! Встать!

Тело не слушается, одеревенев. Встать! Она крепко цепляется за края ящика и изо всех сил тянет себя вверх, к свету. К свободе.

Встать! Ноги не слушаются, пол бросается навстречу – тупая боль в отбитых локтях и ладонках. Встать!

Они пожалеют! Они страшно пожалеют о том, что делали с ней! Она станет рвать их на куски, пока ее не убьют... тело словно деревянное, ноги подкашиваются. Нет. Нет. Надо

бежать, пока они не спохватились. Она должна бежать и прийти в себя, а мечь оставить на потом.

Шаг. Второй. Третий. Куда она идет? Вперед. Она в доме. В большом доме. Надо найти дверь или окно и выбраться наружу. Надо найти дверь – окно неудобно, высоко и со стеклами. Дверь. Где дверь?

По сторонам коридора – двери, двери, двери... На ближайшей – номер семь. Она помнит, что это – цифра семь! Она мало что помнит, но цифры – помнит. От двери идет знакомое зудение – туда нельзя, она снова потеряет невидимые руки.

Далекий голос с неподвижного тела.

– Команда три, почему стоите на месте? Я вас не вижу, камера наблюдения отключилась. Команда три, ответьте вахте. Команда три!..

По коридору. Вперед по коридору. Неважно, куда, лишь бы вперед.

Навстречу – скрип колесиков. Из-за угла выворачивает еще один ящик, за поручни держатся двое в белых халатах.

– ...эту новенькую пока приказано зафиксировать в двадцатом боксе, потом ее...

Оборванная на середине фраза. Они далеко. Они позовут на помощь. Не успеть остановиться. Ноги как деревянные, по коже начинают бегать злые мурашки. Каждый шаг отдает болью в ступнях. Быстрее! Еще быстрее.

Не успеть. Одна фигура быстро сует руку в карман, и мгновением позже в коридоре раздается глухой вой. Сирена плачет-заливается, а двое уже снова исчезают за углом. Не догнать, не достать.

Сирена. Ящик посреди коридора. Они мучают кого-то еще? Не только ее? Нужно помочь... Удар невидимых рук, мигание красных лампочек, отброшенная крышка – стальные петли вырваны с мясом, в глубине ящика – сжавшийся, тихо поскуливающий комочек. Знакомое зудение в голове – ударить по ящику еще и еще, чтобы оно утихло навсегда. Сирена вопит.

– Вста... вай... – Пересохшее горло не слушается. – Пойд... дем...

Невидимые руки послушно тянутся вперед, выдергивая комочек из ящика. Девочка. Еще одна девочка. Младше ее. Перепугана до смерти. Не-глазами видно – у нее тоже невидимые руки! Они оживают, мерцают, беспорядочно мечутся вокруг, хлещут по невидимым рукам Карины – внезапная боль, словно от жидкого огня на стенде – потом внезапно успокаиваются и сворачиваются спиралями.

– Пой... дем...

Топот ботинок за углом. Двое – мерцающий полумрак скрадывает черты лиц. Растерянные голубые глаза смотрят на нее поверх дула пистолета, палец дрожит на спусковом крючке. В расширенных зрачках непонимание и растерянность, и невидимые руки врезаются человеку в лицо, крушат нос и скулы, и череп трескается от страшного удара о противоположную стену коридора... Мгновением позже рядом изломанной куклой валится второй.

Заливается сирена. Пистолеты. Они начнут стрелять. Она умеет останавливать железные шарики поодиночке, но если их много, ей не справиться одной. Нужно укрыться... дверца ящика? Она тоже железная, пули отскочат. Можно нести ее перед собой – но тогда она не сможет убивать, расчищая дорогу.

Эта девчонка! Рывком вздернуть на ноги.

– Слушай... – Голос слушается уже лучше, сухое горло слегка смачивает слюна. – Надо бежать. Возьми дверь. Закрывай нас от пуль. Понимаешь?

В глазах девчонки – страх. Она еле стоит, съжившись, обхватив себя за плечи. Она не понимает... Рывком вздернуть с пола железную пластину – как заставить ее подхватить?

– Держи! Держи крепче!

Девчонка продолжает скулить, но ее невидимые руки бросаются вперед и крепко хватают дверцу.

– Хорошо. Держи так. Пойдем...

Внезапно она видит не-глазами – там, дальше, есть дверь. За дверью – лестница. Четыре пролета вверх и еще одна дверь. Потом много-много стекла – и за ним свобода. Она не задумывается, как именно видит, сейчас – неважно. Главное, путь известен.

Заливается сирена. Топот ног по коридору – все ближе и ближе.

Она не вернется в темную комнату. Ни за что.

– Не-на-ви-жу!.. – бьется в стены коридора отчаянный крик.

11.05.843, земледень

Цукка проснулась от того, что солнечный луч, проскользнувший сквозь крону дерева за окном, щекотал ей глаза. Громко щебетали неведомые птицы. Девушка сладко потянулась и протерла глаза. Потом взглянула на циферблат наручных часов, лежащих на подоконнике. Мамочки! Уже восемь утра, девятый! Ничего себе она разлежалась! Она же столько планировала сделать...

Она соскочила с постели и принялась лихорадочно копаться в сумке, разыскивая халат. Побыстрее разобраться с утренним туалетом – и за дело! В животе пробурчало. Да, еще надо позавтракать. У нее с собой ни крошки, ведь она планировала купить что-нибудь на завтрак вчера вечером. Не сложилось...

Интересно, у Дзинтона еще осталась вареная картошка с колбасой?

Она выскочила в коридор, и живот заурчал еще громче, когда в нос ударил изумительный аромат. Из двери кухни несло чудесным запахом жареного мяса и яичницы. Она прокралась к кухне и осторожно заглянула внутрь.

– Привет, госпожа Цукка! – весело сказал Дзинтон. – Сильна ты дрыхнуть, однако! Я уже собирался возле твоей двери утреннюю песню петь. Есть, небось, хочешь?

Цукка кивнула, но тут же спохватилась и замотала головой. Невежливо обедать других! И вообще, именно она собиралась его обедом угощать.

– Раз хочешь, значит, заходи, – Дзинтон подцепил вилкой кусок жареной ветчины. – Я тут с утра в город сбегал, еды немного купил, так что присаживайся. Только умойся сначала, засоня.

Девушка открыла было рот, чтобы категорически, хотя и очень вежливо, отказаться, но предатель-живот забурчал в третий раз, еще громче, чем раньше. Желудок сжало голодным спазмом, а слюна разве что не закапала изо рта.

– Э-э... спасибо, господин Дзинтон, – несчастным голосом отозвалась она. – Спасибо, но...

– Умываться и за стол, – решительно подытожил парень. – А то еда остынет.

Цукка вздохнула и покорила судьбе.

За завтраком она как-то незаметно рассказала Дзинтону все о себе, о своей семье – отце, мачехе, брате с сестрой, о проваленных экзаменах в университет (услышав про физический факультет, парень уважительно присвистнул), о работе продавщицей... За раскрытым окном щебетали птицы, ветерок нес запахи свежей травы и цветов, весна в самом разгаре, и думать о своих проблемах страшно не хотелось. Но с Дзинтоном оказалось на удивление легко разговаривать – он не перебивал, не сочувствовал, не смеялся, только кивал и изредка поддакивал, так что слова высказывали как-то сами по себе.

– Понятно, – сказал он в конце концов. – Не расстраивайся насчет университета. Правильно тебе отец сказал – поступишь следующей зимой. Подготовишься как следует к экзаменам и поступишь. Запишешься в библиотеку и станешь ходить туда вечерами и в выходные.

– Ага, – Цукка за неимением салфеток вытерла рот тыльной стороной руки и поднялась из-за стола. Ну, по крайней мере, она хотя бы посуду помоеет. – Спасибо, господин Дзинтон,

за угощение, очень вкусно. Мне пора заняться делами. Надо за сегодня еще жильё себе подыскать...

– Зачем? – удивился парень. – А здесь тебе чем не нравится? Хорошее место. Немного далековато от трамвая, но две версты – не так много. Пятнадцать минут пешком, и все. Оставайся, а? А то... – Он запнулся. – А то мне одному скучно.

Цукка нерешительно замерла.

– Но ведь здесь чужой дом, – наконец сказала она.

– Ну и что? Я же живу.

– Но как можно жить в чужом доме, не заплатив?

– Поверь мне, вполне можно, – Дзинтон подмигнул. – Кстати, никто не мешает тебе заплатить хозяевам – если сумеешь их найти.

Цукка заколебалась. Действительно, почему нет? Если можно Дзинтону, почему нельзя ей?

Но так незаконно!

Ну и что? Все равно дом никому не нужен. А она вместе с Дзинтоном может за ним присматривать – чтобы не забирались бродяги, воры, и вообще.

– Молчание – знак согласия, – резюмировал парень. – Вот и ладунки. Слушай, госпожа Цукка, а ты... м-м, не возражаешь обойтись без формальностей? Не люблю, когда господином называют. Просто Дзинтон, и все.

– Хорошо. Тогда и я просто Цукка, – откликнулась девушка. – Эй! Погоди, когда я успела согласиться остаться?

– Только что, – пожал плечами парень. – Да брось ты, все в порядке. Уйти всегда успеешь. Только у меня условие – ужин готовим через день, сегодня я, завтра ты, и так далее. Кто не готовит – тот моет посуду и ходит по магазинам. Продукты – вскладчину. Договорились?

Цукка только приоткрыла рот. Ну и нахал! Впрочем... почему бы и нет? Какая разница, на одного готовить или на двоих? Почти никакой. Зато не ежедневно, а через день.

– Договорились, – тряхнула она головой.

– Замечательно. Тогда сегодня твоя очередь посуду мыть. Ну ладно, ты пока осваивайся, а я дальше пошел мозгами ворочать. Там тренд интересный...

– Что? – удивилась девушка. – Что такое «тренд»?

– Ну, на бирже акции одной компании, похоже, вот-вот расти начнут. Нужно немного прикупить. Я же на бирже играю, чтобы на жизнь заработать. Не профессионально, а так, полюбительски. Тупо, скучно, зато пара часов в день – и можно о деньгах забыть. Мелочь, но мне хватает. А как закончу программировать искина, он вообще сам станет играть, без моего участия. Но сначала нужно современную биржу изучить как следует, давно я что-то за процессом не следил. Ну, я пошел. Если захочешь – приходи в гости, поболтаем.

И Дзинтон выскользнул из кухни. Цукка осталась стоять, глядя ему вслед. Ну ничего себе! Не человек – ураган. Раз-два, все разложено по полочкам, все понятно – знай плыви себе в кильватере.

И все-таки – почему он живет один в заброшенном доме? Кстати, так нечестно: она ему о себе все рассказала, а он ей – почти ничего. Ну, она к нему еще прицепится.

Она потерла щеки ладонями и ойкнула, когда жир с так и не вытертых толком рук остался на лице. Что же она тут не мычит и не телится? Программу на сегодня никто не отменял. Пусть даже поиск жилья отпал, но ведь столько всего еще нужно сделать!

Она подпернула рукава халата и начала собирать со стола посуду.

Карина чувствовала, как прижавшуюся к ней девчонку бьет дрожь. Солнце поднялось уже высоко, но в их убежище в глубине густых кустов стояла густая тень. Пробирившийся

сквозь листву ветерок заставлял девочек клацать зубами и еще сильнее прижиматься друг к другу.

Надо добыть одежду. Надо поесть.

Две мысли с самой ночи бились у Карины в голове. Живот то и дело сводило голодной болезненной судорогой, в носу начинало свербеть. Холодно и хочется есть. И в голове начинал копиться плотный туман, изредка охватывающий ее тугим обручем боли.

Листья на кустах густые, но не очень. Какой сейчас период?

– Как тебя зовут? – медленно, с расстановкой спросила Карина, с трудом шевеля закоченевшими губами.

Девчонка, вздрогнув, прижалась к ней еще сильнее.

– Яна, – тихо сказала она. – Яна Парака, госпожа. Рада знакомству. Прошу благосклонности.

Прошу благосклонности? Сколько времени она не слышала таких слов! От них тянуло домашним уютом, воспоминаниями о маме. Но она не дома. Как положено отвечать? Она не помнит. И не хочет вспоминать.

– Не надо – госпожа, – хрипло произнесла она. – Меня зовут Карина. Тебе сколько лет?

– Десять, – все так же тихо откликнулась Яна.

– Ты давно в Институте?

Яна помедлила, раздумывая.

– Что такое «институт»? – наконец переспросила она.

Карина опешила.

– Ну... – неуверенно сказала она. – Так называлось место, откуда мы сбежали. Неужели ты не слышала ни разу?

– Меня привезли вчера вечером. Наверное, на корабле, – от дуновения ветерка Яна снова задрожала крупной дрожью. – Я не видела, меня из ящика не выпускали, и я спала почти все время. Но когда я просыпалась, пол качался.

– Счастливая! – вздохнула Карина. – А я там пробыла...

Сколько она провела в Институте?

– Какое сегодня число? – спросила она у спутницы.

– Одиннадцатое пятого... кажется, вчера было, – сообщила та. – Или десятое. Я не помню точно, я спала долго.

Пятый период? Когда ее поймали? Кажется, шел третий период. Какое число? Не помнит. Неважно. Неужели всего два периода?

– А год? Какой год?

– Сорок третий, – недоуменно посмотрела на нее Яна.

Сорок ТРЕТИЙ? Восемьсот сорок третий?! Два года! Целых два года... Почему она почти не помнит прошедших лет? Все, что осталось в памяти – долгая череда пробуждений, наполненных бесконечным ужасом и болью, и кошмарных снов, мало отличавшихся от реальности. Ее кулаки бессильно сжались, и невидимые руки нервно заметались вокруг тела, готовые крушить и рвать. Усилием воли она заставила их успокоиться и свернуться в клубки, иначе можно случайно ударить Яну.

– Ты есть хочешь? – спросила Карина. Яна лишь молча кивнула в ответ.

Сидя под кустом в лесу, еды не дождешься. Нужно идти искать. Но ведь их самих ищут!

Пусть. Ее уже искали. Она плохо соображает, многое забылось, но как прятаться и воровать еду, помнит. Только сначала нужна одежда – или они совсем замерзнут.

Карина с сомнением взглянула на Яну. Оставить ее здесь? Или взять с собой? Если взять, то вдвоем их легче обнаружить. А если оставить, то на нее могут наткнуться. Или малявка сама вылезет и все равно попадет. И тогда ее вернут в Институт. Нет, ни за что. И потом,

теперь они вместе, а вдвоем легче. Даже ночью можно дежурить по очереди, чтобы не застали врасплох. Ну, вместе – значит вместе.

– Сейчас пойдем в город, – объяснила она Яне. – Сначала найдем одежду. Наверняка где-то на окраинах на веревках сушится.

– Но ведь она чужая! – пискнула малявка.

– А сейчас станет наша! – зло ощерилась Карина. – Или ты замерзнуть хочешь? Нет? Значит, помалкивай и делай, как я говорю. Потом найдем еды. Можно выбить дверь в доме, где хозяев нет, и обчистить холодильник. Поняла? Только слушайся меня, а то нас опять поймают.

– А как мы дверь выбьем? – испуганно спросила Яна. – Она же крепкая.

– А вот так! – Карина вытянула невидимую руку и с яростным наслаждением хлестнула ей по тонкому деревцу. Брызнули мелкие щепки, и ствол начал медленно заваливаться на бок, но почти сразу повис на ветвях соседних деревьев. – А если нас кто-то попытается остановить, я их так же ударю!

– Нет! – внезапно воскликнула Яна, отстраняясь от Карины. – Нет! Нельзя!

– Чего нельзя? – не поняла Карина.

– Нельзя бить людей! Ни за что! Им больно, они даже умереть могут!

– Ну и пусть. Ты что, их жалеешь? Они-то тебя не пожалели. Небось, как поймали, так и отправили в проклятый Институт. Ты знаешь, что со мной там делали? Я сто раз хотела умереть!

– Нет. Мама мне говорила, что нельзя бить людей, – упрямо склонила голову Яна. – Она говорила, что моя сила – дар, а вовсе не уродство. Что его нужно использовать для людей, а не против них.

– Мама? – пораженно спросила Карина. – У тебя есть мама? Настоящая мама?

– Она... умерла.

Внезапно глаза Яны наполнились слезами, и она слабо заскулила, уткнувшись носом в коленки. Карина растерянно смотрела на нее, не понимая, что делать.

– Эй... – она ткнула девочку пальцем в плечо. – Ты чего?

– Ни... чего... – сквозь слезы откликнулась она. – Маму вспомнила. И папу. Они погибли. Мне сказали, что они уехали, но я знаю, что они погибли...

– Да? – глупо сказала Карина. – Жалко. А вот я своих родителей совсем не помню.

Яна подняла зареванное лицо:

– Совсем-совсем не помнишь?

– Совсем, – вздохнула Карина. – Ну, только маму немного. Я себя только в детдоме помню, лет с семи. Мама умерла от болезни, а папы у меня, кажется, никогда и не было. Или он тоже умер. Ну, кончай реветь. Нам идти пора.

– Нет.

– Что – нет? – удивилась Карина.

– Я не пойду с тобой, пока ты не пообещаешь не бить людей, – упрямо сказала Яна, громко шмыгая носом. – И я бить не стану.

– Дура! А если тебя станут бить? Думаешь, пожалеют?

– Ну... если они сами начнут, то, наверное, можно, – неуверенно сказала Яна. – Но первой нельзя.

– Ладно, – вздохнула Карина. – Первой не начну. Пошли.

Интересно, а в какую сторону город? Ночью они бежали, не разбирая дороги, пока у Яны не кончились силы. Потом Карина, спотыкаясь и падая, еще какое-то время тащила ее невидимыми руками, но вскоре из сил выбилась и она. Сейчас девочка лихорадочно пыталась понять, куда идти. Неужели они заблудились совсем рядом с городом?

Так, без паники. Надо думать головой. Они явно на склоне горы. В одну сторону – в гору, в другую – под гору. Города обычно строят у подножия гор. Только на побережьях у самой воды, говорят, не строят.

Побережье? Яна сказала, что ее привезли на корабле. Значит, в этом городе есть порт. А порты строят у самой воды. Значит, если спускаться вниз, то можно выйти к порту, а от него – к городу. Вот и все, совсем просто.

– Пошли, – она дернула Яну за руку и на четвереньках вылезла из кустов, раздвигая ветки перед собой невидимыми руками. Неуверенно поднялась на ноги. Изрезанные разбитым стеклом и исколотые ветками босые ступни саднили, но стоять она могла.

Яна ойкнула, поднимаясь.

– Ноги больно! – пожаловалась она.

– Терпи, – откликнулась Карина. – Нам туда, – она кивнула в сторону, куда спускался склон.

К городу они вышли довольно быстро. Деревья сначала поредели, а потом кончились совсем, и они оказались на опушке, в полусотне саженей от которой начинались двух- и трехэтажные дома, утопающие в зелени кустов и лужаек. Как и ожидала Карина, возле них на веревках болталась сохнувшая одежда. Обнаружив место, где нашлись подходящие по размеру платья, и дождавшись, пока никого не окажется рядом, Карина из-под прикрытия живой изгороди невидимыми руками сдернула одежду с веревки. Платья оказались великоваты и ей, и Яне, но выбирать не приходилось. Жаль, что обувь раздобыть тем же способом нельзя. Но эта проблема не главная. Главное – голодные боли в животе усилились настолько, что ее начало мутить, а думать становилось все труднее.

Еда! Где достать еду?

Ночью можно попытаться вломиться в один из магазинчиков. Но днем нельзя – хозяева вызовут полицию, и тогда... И невозможно забраться в чужую квартиру: даже по пустым дворам то и дело кто-то проходил. А если их заметят, то поймают и вернут в Институт. Карина уже чуть не плакала от отчаяния, когда разглядела под кронами деревьев крышу стоящего на отшибе одноэтажного дома.

Дом на самом деле выглядел самой настоящей развалюхой. Но все окна оставались целыми, дверь оказалась запертой на большой висячий замок, а двор – точнее, то, что его заменяло – явно носил отчетливые признаки обжитости. Значит, он не брошен. Значит, внутри можно найти еду или деньги, на которые еду можно купить.

Невидимые руки Карины с легкостью сорвали с двери замочные петли. Она протолкнула Яну внутрь и скользнула вслед за ней, не забыв плотно прикрыть за собой створку. Да, здесь определенно жили, хотя коридор оказался завален разнообразным хламом, а мебель в комнатах едва не рассыпалась от ветхости. Впрочем, обстановка Карину не интересовала. Она искала только кухню.

На кухне воняло так, словно здесь кто-то устроил помойку. Впрочем, не «словно»: мусорное ведро не выносили уже минимум неделю, а объедки и грязь загромождали стол и ржавую мойку. Но главное – в холодильнике нашлась вполне съедобная еда! Вареный рис с вареной же рыбой, какие-то мелкие сосиски, масло... Еще в холодильнике обнаружилось большое количество запечатанных бутылок с надписью «Пиво», но они Карину не заинтересовали. Как-то раз, еще в детдоме, она попробовала эту горькую гадость, и потом ее долго тошнило. И как другие ее пьют?

Она сбросила на пол объедки со стола и вывалила на него пищу. Несколько минут они с Яной торопливо насыщались, запивая еду набранной из-под крана водой, пока острое чувство голода не ушло. Однако рези в желудке Карины не прекратились. Наоборот, они даже усилились, и теперь девочка с трудом заставляла себя глотать, борясь с острыми приступами тошноты.

– Карина, я больше не хочу, – дернула ее за рукав платья Яна. – Пойдем, а?

– Сейчас... – сквозь зубы пробормотала та, сдержав стон. – Нужно взять с собой, про запас... Сейчас...

Она схватила какую-то большую грязную тряпку непонятного происхождения и принялась складывать на нее остатки обеда. Она уже пыталась завязать тряпку в узел, когда входная дверь громко хлопнула.

– Что за б...ство?! – громко спросил в коридоре хриплый мужской голос. – Мурки, нет, ты посмотри только – что за падла такая нам замок вынесла, а?

Парализованные страхом, девочки замерли на месте. Взгляд Карины панически заметался по кухне. Здесь негде спрятаться! В окно? Не открыть сразу, услышат...

– Забрался кто-то, скотина, – ответил второй, не менее хриплый голос. – Ну-ка, в комнаты позаглядывай – вдруг он еще тута?

Метнуться к окну? Не успеть, не успеть!..

Не успеть.

– О-па, а кто у нас тут такие? – преувеличенно удивленно осведомился крупный мужчина, возникший в дверном проеме. Он носил перепачканный краской рабочий комбинезон и неопрятную щетину. – Мурки, ты посмотри, а! Вот кто, оказывается, по чужим домам лазит-то, а!

– Угу, вона как... – пробасил второй, протискиваясь в дверь. Он походил на первого, как брат-близнец. – Лазят, значит. Воруют, соплячки.

– Дык поучить надо, а, Мурки? – осведомился первый, лениво почесывая пузо. – Выпороть, типа? Или сразу в полицию сдать, ага?

– Не, Сакира, не надо в полицию, – ухмыльнулся второй. – Слышите, малявки, в полицию, небось, не хотите? Ну что молчите, как языки проглотили, а?

– Не хотят, – удовлетворенно хмыкнул первый мужик. – Ну что, мы, значит, люди добрые. Мы полицию не позовем. Мы сами накажем.

Он шагнул вперед, крепко ухватил Карину за плечо и склонился к ней, дохнув перегаром.

– Да, милашка, мы тебя накажем по-свойски. Глядишь, тебе еще и понравится, ага.

С неожиданной ловкостью он дотянулся до Яны и толкнул ее в руки второго.

– Подержи-ка, чтобы не сбежала, – он криво ухмыльнулся. – А я с этой разберусь.

Он крепко ухватил Карину за плечи, развернул ее спиной к себе и швырнул вперед, на кухонный стол, крепко прижав к столешнице. Другой рукой он задрал ей на голову подол платья.

– Чё-то тебя отец серьезно воспитывает, – пробормотал он, ощупывая ягодицы девочки. – Вся спина в синяках. Ну дык понятно, раз такая воровка. Ничего, сейчас я тебя еще и не так поучу...

И тут столбняк, охвативший Карину, прошел. Она наконец осознала, КАК с ней собираются поступить. Еще когда она жила в детском доме, старшие девочки шепотом рассказывали, что может сделать плохой взрослый мужчина, если попасть к нему в руки. Тогда она не понимала и половины рассказываемого, но сейчас твердо знала: будет плохо. Очень плохо. Наверное, даже хуже, чем в Институте. Охваченная ужасом, она вслепую ударила назад невидимыми руками.

Что-то влажно противно хлюпнуло, и давящая рука на шее исчезла. Короткий вопль оборвался почти мгновенно – еще до того, как тело мужчины врезалось в противоположную стену кухни, с грохотом обрушив несколько полок. Карина оттолкнулась от стола, выпрямляясь, и оказалась лицом к лицу со вторым. Тот таранился то на нее, то на заваленное хламом тело товарища, еще не осознав, что произошло на самом деле. И в то мгновение, когда в его взгляде наконец загорелась искорка понимания, невидимые руки Карины ударили еще раз, дробя его ребра и превращая лицо в кровавую кашу.

Захлебнувшийся стон, мягкий тяжелый удар головой о дверной косяк – дерево треснуло с отчетливо слышимым хрустом – и второе тело сползло на пол, увлекая за собой Яну, чье плечо оно все еще сжимало мертвой хваткой. Та забилась и слабо заверещала. Несколько секунд Карина смотрела на нее, словно в тумане. Сердце бешено билось, воздух с трудом проходил в горло. Наконец, чуть придя в себя, она медленно наклонилась и помогла Яне подняться.

– Ты убила их, – с ужасом прошептала та. – Ты их убила!

– Так им и надо! – хрипло произнесла Карина. – Я бы убила их еще раз! А ты думала, они тебя приласкать захотели? – внезапно заорала она во все горло, так что Яна отшатнулась. – Приласкать, да? Ты хоть понимаешь, дура, что они хотели сделать?

На глазах Яны выступили слезы, она громко шмыгнула носом.

– Не реви, – хмуро сказала Карина. – Пошли отсюда. А то вдруг кто-то еще придет...

Она ухватила Яну за руку и потащила за собой.

Только на улице она сообразила, что приготовленный узел с едой так и остался лежать в разгромленной кухне. Но думать о еде не осталось сил – прошедшая было резь в животе снова вернулась, и тошнота подступала к горлу. Нужно бежать, бежать в лес, пока не пришел кто-то еще!

Саженой через двести, уже среди деревьев, она рухнула на колени. Ее вырвало плохо пережеванной пищей – раз, другой, третий... Во рту стоял горький привкус желчи. Она немного постояла на четвереньках, пытаясь справиться с внезапным приступом слабости и головокружения, потом медленно поднялась на ноги. Яна с ужасом смотрела на нее. Кажется, она от переживаний сейчас сама потеряет сознание!

– Пойдем... – прошептала Карина. – Нужно идти.

Медленно лавируя между стволами, она побрела непонятно куда. Туман перед глазами сгушался, мысли путались, то замирая на месте, то дико кружась в сумасшедшем хороводе. Перед взором проплывали лица, знакомые и незнакомые, в ушах шумело, в ушах звучали голоса, выкрикивающие непонятные слова. Рези в животе иногда заставляли сгибаться пополам, но она заставляла себя выпрямляться и переставлять ноги.

Спустя пару вечностей она опять рухнула на колени, и ее снова вырвало – на сей раз только кислой жидкостью. Яна в ужасе затормозила ее за плечи.

– Карина! Кара! – чуть не плача, позвала она. – Тебе плохо? Плохо, да? Ну Кара же!

Карина как-то отстраненно ощутила боком что-то жесткое и колючее. Кажется, она упала на землю. Надо встать... надо встать... надо идти... Потом мир закружился вокруг, и она потеряла сознание.

Яна растерянно смотрела на лежащую ничком Карину. Несмотря на теплый полдень, девочку била крупная дрожь. Она обняла себя за плечи, чтобы хоть немного согреться, но это не помогло.

Она не знает, что делать. Ей немного страшно от Карины, такой решительной, такой жесткой, но без нее она совершенно не знает, что делать. Еще несколько дней назад все казалось простым и понятным: есть папа и мама, которые ее любят и защищают, и есть все остальные, от которых нужно прятать свой дар. Но потом пришли чужие люди с желтыми лживыми прожилками в глазах и сказали, что мама с папой не вернуться. И голову сдавило ужасное жужжание, которое не позволяло думать, не позволяло поднимать вещи без рук, как она умела делать. В кошмаре, в который превратился окружающий мир, ее куда-то вели и везли, держали в каких-то обитых мягким комнатах без окон и даже без кроватей, больно кололи иглами, а потом запихали в темный железный ящик и снова куда-то повезли.

Потом ящик загрохотал и раскрылся, жужжание в голове кончилось, но кошмар остался. Сначала она бежала куда-то за незнакомой девочкой, они обе голые, но перед ними плывет большая пластина, которую она держит не-руками, и что-то постоянно мелко, но сильно коло-

тит в нее, как ливнем, пытаюсь вырвать и отбросить в сторону. Какие-то люди, перепачканные красным – кровью? – вповалку лежащие у стен, мимо которых они пробегают, большой красивый цилиндр в широком зале, который они вместе вырвали из пола не-руками и со звоном бросили в стеклянную стену, саднящая боль в босых ступнях, когда пришлось бежать по стеклянным осколкам, и потом – деревья, ночь, холод, бегство в никуда и тепло тела незнакомой девочки, к которой она прижималась, пытаюсь хоть как-то согреться.

Она боялась эту незнакомую девочку, поскольку видела, как в ее голове кипят страшные чувства, которые сама Яна никогда не испытывала и не понимала. Она иногда видела такие у взрослых мужчин и женщин на улице, и иногда те бросались друг на друга, дрались, говорили всякие нехорошие слова, которые мама запрещала повторять. Но еще Яна видела в Карине и другие чувства, как у мамы, когда та плакала, прижимая ее, Яну, к себе, а отец потерянно стоял рядом и ничего не говорил. Эти чувства Яна немного знала – они назывались «страх» и «отчаяние». И Яна жалела Карину.

Сейчас, когда кроме Карины у нее не осталось в жизни вообще ничего – даже платье и то ворованное! – а Карина лежала ничком и не двигалась, и в голове у нее не осталось никаких чувств, Яна растерялась. Она редко выходила на улицу, только в школу, даже когда у нее еще не проснулся дар, и после занятий всегда торопилась домой. Потом она обнаружила, что может без рук поднимать вещи и видеть чувства в головах у других людей. Ее дар открылся через неделю после девятого дня рождения: Яна хорошо запомнила мамину веселую беспечность, внезапно сменившуюся ужасом. Тогда мама совсем перестала выпускать ее из дома. Яна знала, как приготовить себе еду из продуктов в холодильнике, как вызвать пожарных, как мыть пол и как учить уроки (отец заставлял ее читать учебники даже после того, как родители запретили ходить в школу). Но что делать с подружкой, беспомощно лежащей на земле в лесу, когда некого позвать на помощь, она совершенно не представляла. И ей страшно.

Может, пойти поискать кого-то? Но Карина скрывалась от людей. Наверное, так надо. Наверное, люди сейчас не должны их видеть. Она не знает, что такое Институт, и не понимает, что происходило прошлой ночью, но, наверное, случилось что-то очень плохое. И только что в доме... нет, нельзя о нем думать, совсем нельзя. И на помощь звать нельзя. Но Карине очень плохо. Очень. Заполняющую ее боль даже сейчас почти можно пощупать руками. Но что делать?

Давай мыслить логично, по-взрослому сказала она себе, как любил говорить папа. Давай мыслить логично. Они сыты и одеты. Значит, нужно пока где-то спрятаться. Может, Карина выздоровеет сама, если просто спокойно полежит. Да, когда болит живот, нужно лежать. Но лежать на холодной сырой земле мама всегда запрещала. Значит, нужно найти дом или сарай. Место, в котором нет людей, но где есть кровать. Или сено, как в деревне, куда она ездила позапрошлой зимой. Но как отнести туда Карину? Она большая и тяжелая. Можно ли поднять ее без рук?

Яна вздохнула и напряглась. В спине между лопатками что-то напружинилось и слегка завибрировало, как случалось, когда она пыталась поднимать слишком тяжелые вещи. Но тело Карины слегка приподнялось над землей. Еще одно усилие – и Карина приподнялась почти на четверть сажени. Ее руки и ноги безжизненно свисали вниз, задевая землю, но Яна уже вымоталась. Выше поднять не удастся. Хорошо хоть почти не надо прилагать сил, чтобы удерживать поднятое...

Теперь нужно просто идти и толкать Карину перед собой. Вот только куда идти?

Яна тяжело вздохнула, вытерла наворачнувшиеся на глаза слезинки и побрела непонятно куда. Где же найти убежище?

Цукка как раз закончила расставлять на полке нехитрую посуду, только что купленную в магазине, когда в кухню заглянул Дзинтон.

– Прогуляться по окрестностям не хочешь? – осведомился он.

– По окрестностям? – удивленно посмотрела на него Цукка.

– Ну да, – кивнул парень. – Ты же только одну дорожку в город и знаешь. А она большой крюк дает. Или тебе нравится кругами ходить? Пошли, успеешь еще нахозяничаться!

Цукка задумалась. Вообще-то дел еще хватало. Нужно аккуратно развесить одежду в шкафу, как-то прибраться в комнате, да и кухню не мешало бы почистить. Нужно спланировать свои расходы, позвонить родителям и сообщить, что она устроилась (не вдаваясь в детали, разумеется). Ой, а погладить блузку и юбку? Вот о чем она не подумала – а как она станет гладить одежду? Наверное, нужно купить утюг. И стирка – пока у нее нет стиральной машины, придется стирать в тазике, и его тоже нужно купить. О чем она думала, когда ходила за продуктами? А еще нужно сделать запасной ключ – Дзинтон предупредил, что замок на двери менял он сам, и ключей от него всего два.

– Ну так что, пойдешь? – нетерпеливо переспросил Дзинтон.

– Ладно, уговорил, – улыбнулась Цукка. – Я вспомнила, что мне еще кое-то нужно купить в магазине. Заодно и зайдем.

– Женщины! – Дзинтон возвел очи к небу. – Только о покупках и думают.

– Зато мужчины, похоже, вообще не думают, – отпарировала Цукка. – Как я без утюга одежду гладить стану? Мне, между прочим, на работу опрятной ходить положено.

– А, утюг есть, – Дзинтон беззаботно махнул рукой. – У меня в комнате. Я его потом сюда принесу, пользуйся. Ну, пошли, а то солнце уже к закату клонится. Через пару часов темнеть начнет. Переодевайся, если надо, я тебя на дворе жду. – Он повернулся и стремительно вышел из кухни.

Цукка снова улыбнулась – не человек, ураган! – и пошла за ним. Интересно, он что, так ухаживает? Или просто соскучился в одиночестве? А ведь она так и не знает о нем почти ничего. Ну, сейчас и допросит.

Юноша и в самом деле показал ей несколько путей в город, о которых сама Цукка ни за что не догадалась бы. Оказывается, мароны, окружавшие отель, когда-то являлись частью довольно большого и, наверное, красивого парка при отеле. Сейчас парк зарос густым подлеском и мало чем отличался от дикого леса. Вокруг него по большей части еще сохранилась легкая деревянная ограда, хотя тикириновые жерди под действием ветра и дождей местами расщепились и попадали на землю.

Из дворика перед входом имелось, оказывается, аж три выхода: один – через главные ворота, а два других – через калитки в боковых стенах, от которых через парк вели тропинки, проходя через остатки калиток в ограде и убегая дальше. Одна такая стежка, попетляв между деревьями, выводила к обрыву над бухтой, по которому вниз, в город, шла крутая каменная лестница с местами осыпавшимися ступеньками. С торчащей над обрывом скалы, которую Дзинтон называл «смотровой», открывался великолепный вид на раскинувшиеся внизу бухту и город, даже более шикарный, чем с давешней площадки.

– Не стоит здесь в темноте ходить, а то костей не соберешь, – предупредил парень. – Надо подсветку, наверное, сделать, но пока не до того. Но при свете до транспорта здесь путь раза в два короче. Там, внизу, Сиреневый бульвар, по нему монорельс идет.

Другая тропинка, грунтовая, тоже выводила к обрыву и ныряла куда-то вниз, к покрытым ползучей березой каменистым осыпям океанского берега. По ней Цукка не рискнула бы путешествовать и днем, разве что ее кто-то страховал бы привязанным к талии канатом. Зато с обрыва открывался захватывающий дух вид на океан, сияющий и переливающийся под лучами солнца. Цукка пообещала себе, что обязательно посмотрит отсюда на первое же цунами – когда гигантская, в двадцать, а то и тридцать саженей волна вырастает над мелководьем и, разгоняясь, обрушивается на скалистый берег, круша и разбрасывая камни. Зрелище, наверное, впечатляющее. Совсем не то, что в бухте, где она ослаблена узким длинным устьем.

Третья тропинка, заасфальтированная, тоже вела на внешний берег, но близко к океану не спускалась. Она, по словам Дзинтона, тянулась версты на три-четыре, проходя по пути через несколько и поныне действующих гостиничных комплексов и вливаясь в сеть проложенных по горам терренкуров, предназначенных специально для прогулок отдыхающих.

Помимо тропинок через парк можно было ходить и напрямую, выбираясь к оградкам одно- и двухэтажных домов, между которыми к окружающим улицам пробирались узкие стежки.

– Откуда ты все знаешь? – удивилась Цукка, когда Дзинтон вывел ее на тихую, заросшую травой улочку. – У тебя словно карта в голове.

– А я здесь уже полгода живу, – пояснил парень. – Успел исследовать. Времени свободного много, вот и шляюсь где ни попадя.

– Полгода? А где ты жил раньше?

– Любопытная ты, как кошка, – рассмеялся Дзинтон. – Где я только не жил! Вообще-то я из Оканакки, но мне там не понравилось. Сбежал я оттуда.

– В Оканакке не понравилось? – изумилась Цукка. – Но она же столица! Не то что наше провинциальное захолустье!

– Масария – далеко не захолустье, – качнул головой Дзинтон. – Крупный порт, через который идет не менее семи процентов всего морского грузооборота Катонии. Она очень удачно расположена в географическом плане, и если бы не постоянные цунами... А кроме того, столица – что столица? Большой, шумный, грязный город с бешеным темпом жизни, не нужным никому, даже самим жителям. Люди думают о деньгах, карьере, о том, как бы получше и пошикарнее провести отпуск – по возможности как можно дальше от дома. Куча машин, постоянные пробки, вонючий воздух, зимой снег, который даже толком лечь не может, сразу тает на асфальте, а ночами влага замерзает, так что получается гололед. Его засыпают химическими смесями, которые потом вымываются на газоны, убивая траву и деревья. В общем, хорошего мало.

– Но... – Цукка растерялась. – Все-таки Оканакка – столица.

– Ну и что с того? Что есть там, чего нет в Масарии? Дорогие кабаки с проститутками, в которых за вечер можно просадить твое месячное жалование и даже не получить особого удовольствия? Гадюшники в виде Ассамблеи, правительства, президентской администрации? Артистическая богема, от близкого знакомства с которой может и стошнить? Спасибо, но я не вижу там ничего привлекательного.

Цукка не нашлась, что ответить. В ее представлении столица являлась далеким городом, всегда сияющим огнями, где люди веселы и доброжелательны, а жизнь легка и беззаботна. Пробки? Мертвые деревья? Кабаки? Гадюшники? Конечно, Дзинтон должен знать, о чем говорит, но...

– А почему ты уехал из Оканакки? – наконец спросила она. – Только потому, что там не нравилось?

– Я не люблю сидеть на одном месте, – пожал плечами ее спутник. – Семьи у меня нет, с товарищами я и на расстоянии могу поболтать. Деньги я умею зарабатывать на бирже, а для игры не надо ничего, кроме терминала и парочки специальных программ. Зато у бродяги вроде меня есть масса возможностей посмотреть мир.

– Вот как... – Цукка вздохнула. – Я бы тоже хотела посмотреть мир. Но у меня денег нет, чтобы куда-то ездить.

– Поездишь, – хмыкнул парень. – Какие твои годы! Закончишь университет, устроишься в какую-нибудь лабораторию или обсерваторию на приличную зарплату – и наездишься.

– Закончишь... Сначала поступить надо. А я уже один раз завалила экзамены.

– А почему? – неожиданно жестко спросил Дзинтон. – Ну-ка, отвечай – почему ты завалила экзамены?

Цукка дернула плечом.

– Готовилась мало, – неохотно сказала она. – Я еще со школы подрабатывать начала. Мы никогда не шиковали. У отца жалование маленькое, Танна, мачеха, не работает, с детьми сидит... Даже на хорошие учебники не наскребла, всякое старье читала.

– Ну, что старые – не беда, – задумчиво произнес Дзинтон. – Старые учебники – не обязательно плохие. Другое дело, адекватные ли. Проблему мы порешаем, есть у меня кое-какие завязки. Ладно, пока замнем тему, надо подумать. Кстати, мне что-то есть захотелось. Я тут знаю одно кафе, довольно дешевое и на удивление неплохое. Пошли, прогуляемся в ту сторону. Сегодня моя очередь готовить ужин, так что я угощаю...

На заброшенный дом Яна натолкнулась много часов спустя, когда уже совершенно отчаялась. Казалось, она бесконечно брела, неся перед собой бесчувственное тело Карины, только иногда делая передышки, чтобы дать отдых гудящим ногам. Карина изредка приходила в сознание, тихо стонала, потом отключалась снова. Иногда она просила пить, но где взять воду, Яна не знала. Ей самой все сильнее хотелось пить и есть. Солнечный свет уже не пробивался сквозь кроны деревьев, в лесу стремительно сгущался сумрак, и напряжение заставляло девочку нервно оглядываться по сторонам после каждого шороха или скрипа ветвей под порывами налетающего ветра. Стремительно холодало – весна еще не полностью вступила в свои права, иногда уступая приходящему с гор холодному дыханию старой зимы.

Двухэтажный большой дом стоял на широкой прогалине, еще частично освещенной лучами садящегося солнца. Он выглядел полностью заброшенным – тикучиновый забор совершенно развалился, окна зияли черными провалами, в которых лишь изредка поблескивали осколки битого стекла, когда-то белая краска на стенах давно превратилась в неопределенно-грязную и повисла неопрятными лохмотьями. Дверь болталась на одной петле. Мимо дома шла когда-то заасфальтированная дорожка, сейчас потрескавшаяся, проросшая зелеными стеблями лопуха и пучками травы.

Дом. Убежище. В нем можно спрятаться. Яна, с трудом переставляя отяжелевшие ноги, направилась к двери. Руками оттолкнув висящую створку и пятясь спиной, чтобы не ушибить Карину, она протиснулась в дверной проем. За ним начиналась большая прихожая, в которую спускалась широкая лестница со второго этажа. Осторожно опустив бесчувственную Карину на пол, Яна осмотрелась. Заглянув в один из выходящих в прихожую дверных проемов, в вечернем свете она заметила старую кровать, заваленную каким-то тряпьем. Отчетливо несло сыростью и запахом застарелой гнили. По крайней мере, пустой оконный проем кто-то аккуратно заделал фанерой, так что холодом снаружи не тянуло. Если закрыть дверь, то они не замерзнут ночью.

С трудом приподняв Карину над полом, Яна внесла ее в комнату и опустила на кровать, для тепла прикрыв сверху тряпками. Присев рядом и зябко обхватив себя руками, она задумалась. Она одна, рядом с больной – или умирающей? – подругой, есть нечего, пить тоже. Что делать? Так нечестно! Она еще маленькая, а тут нужен взрослый! На глаза навернулись слезы, и она начала негромко всхлипывать.

Негромкий скрип заставил ее умолкнуть и замереть неподвижно. Вот скрип повторился. Яна вскинула глаза. В дверях стояла неподвижная тень, словно вырезанная из черной бумаги. У девочки перехватило дыхание – а что, если это вышел из чащи злой обака? Он убьет ее и съест! Но она станет защищаться! Ей нельзя бить людей, но обака – не человек!..

– Эй! – удивленно спросила тень. – Ты кто?

– Я Яна. А кто ты? – настороженно откликнулась Яна.

– Я Палек. Я здесь... живу пока. А ты откуда взялась? Тоже убежала?

Какое странное имя... Убежала? Откуда он знает? Почему «тоже»? Неужели он...

– Ты чего реवेशь? – тень приблизилась. Теперь, когда неизвестный не стоял против света, Яна разглядела, что перед ней мальчишка примерно ее возраста.

– Я пить хочу, – шмыгнула носом Яна. – И Карине плохо, она умирает. Я не знаю, что делать! Я боюсь!

– Умирает? – удивился мальчишка. – Как так? А почему взрослых не позвать? Я тоже когда в прошлый раз сбежал, сорвался в овраге и руку вывихнул. Так я сразу вернулся – я ж не дурак. Ты из какого детдома?

– Я? – растерялась Яна. – Я не из детдома. Я...

Она замолчала. Сейчас она не смогла бы внятно объяснить, откуда взялась, даже если бы рассказывала честно. А мальчишке нельзя доверять. Никому нельзя!

– Ну, не хочешь, не говори, – покладисто согласился мальчишка. – Ты пить хочешь? Погоди, я сейчас.

Он повернулся и выбежал из комнаты, но почти сразу вернулся.

– Вот, держи, – он втиснул Яне в руку большую пластмассовую бутылку. – Тут чистая вода, я хороший родник нашел. Пей, не бойся.

Яна не заставила себя упрашивать. Она приникла к горлышку, жадно глотая холодную воду, так что даже заболело горло. Внезапно она спохватилась – Карина тоже хочет пить! Она заставила себя оторваться от бутылки и осторожно потормошила подружку за плечо.

– Карина! – позвала она. – Кара! У меня есть вода. Ты пить хочешь? Кара!

Та слегка простонала, но даже не пошевелилась. Яна растерянно замерла. Что делать? Как ее напоить? Она попыталась капнуть водой ей в рот, но струйки лишь скатились по плотно сжатым обметанным губам.

– Ты не умеешь, – со знанием дела сказал Палек. – Дай я.

Он принял у Яны бутылку и склонился над Кариной. Осторожно надавив где-то под нижней челюстью, он заставил ее рот чуть приоткрыться и ловко влил в него несколько капель воды. Девочка судорожно сглотнула, и он тут же влил еще несколько капель.

Карина закашлялась и внезапно села на постели.

– Я не хочу на стенд! – выкрикнула она. – Пожалуйста, господин, не надо! Я не хочу!..

Она упала на спину, потом протяжно застонала, повернулась на бок и свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку. Яна дернулась к ней и принялась тормошить.

– Карина! – закричала она. – Проснись, Карина! Я не знаю, что делать! Кара!

Что-то невидимое и мягкое скользнуло по ее щеке, обвилось вокруг шеи – и пропало. Потом раздались судорожные гортанные звуки – Карину снова мучительно рвало.

– Карина!

Яна чувствовала, что слезы вновь наворачиваются на глаза.

– Да погоди ты, – рассудительно сказал Палек. – Не кричи. Давай я сбегаю, позову кого-нибудь из взрослых. Они врача приведут, ее отвезут в больницу и вылечат.

– Нельзя в больницу! – закричала на него Яна. – Мы сбежали, дурак! Нас вернут в институт, ее снова начнут мучить! Нельзя, понимаешь?

Внезапно ей захотелось оказаться за тысячу верст отсюда – дома, и чтобы мама сидела на диване и шила, а папа в кресле шелестел газетой, и под потолком горела люстра, а она сидела рядом с мамой, прижавшись к ней, и сонно жмурилась на раскрытую книжку с картинками... Ей страшно! Она не знает, что делать!

Девочка вскочила на ноги и, рыдая, бросилась к двери. Она пробежала по прихожей, выскочила в дверной проем, больно ударившись плечом о болтающуюся дверную створку, и не разбирая дороги бросилась бежать. Но через несколько шагов она внезапно врезалась во что-то мягкое и теплое. Негромко охнула женщина.

– Так, ну и где у нас здесь пожар, молодая госпожа? – осведомился мужской голос, и на плечи Яны легли твердые ладони.

– Устала бродить? – осведомился Дзинтон.

– Немного, – кивнула Цукка. – И спать захотелось после ужина. А хорошее кафе, мне понравилось.

– Хорошее, – кивнул тот. – Я на него наткнулся в первый день в Масарии. Я даже отель выбрал, потому что он почти рядом. Ладно, пошли домой. Вон та тропинка ведет через лес в город, но если знать, где свернуть, то можно напрямик попасть к южной калитке. Десять минут – и мы на месте.

Уже стояли глубокие сумерки, и Звездный Пруд вовсю разгорался на востоке, освещая окружающие деревья призрачным голубовато-желтым светом. Мелькнул и пропал светлячок, потом еще один. Где-то зазвенела одинокая ранняя цикада, но тут же смолкла, словно устыдившись своего несвоевременного выступления. Цукка молча шагала рядом с Дзинтоном по раскрошившемуся асфальту дорожки, с наслаждением вдыхая прохладный вечерний воздух. Вот и закончился удивительный день. Вчера она мучительно соображала, что и как сказать родителям, потом с чувством невосполнимой потери уходила из дома, потом получила от ворот поворот от хозяина, встретила с Дзинтоном, самовольно устроилась в брошенном отеле, сегодня бегала по магазинам, обустроивала свою комнату, гуляла... Да, за последние сутки с ней случилось едва ли не больше необычного, чем за иной период. Но завтра опять начинается рутина – работа, работа, работа, прилавки, витрины, бесконечный поток покупателей... И учебники, напомнила она себе. Хватит бездельничать. До следующих экзаменов почти год, но долгий срок – не повод забрасывать учебу. Тем более что, милая моя, строго сказала она себе, все твои заявления насчет старых учебников – лукавство. И по ним можно подготовиться, если всерьез заниматься. Начать надо, наверное, все-таки с физики. Или с математики?

– Смотри, – Дзинтон тронул ее за плечо. – Вон брошенный дом. Давно брошенный. Почему-то хозяева даже не законсервировали его толком, как наш отель.

Слева от тропинки на фоне вечернего неба и в самом деле вырисовывался силуэт старого дома с высокой остроугольной крышей. Налетевший ветерок принес с собой запах древесной гнили.

– А почему он брошен, не знаешь?

– Здесь в округе таких хватает, – пояснил Дзинтон. – Отдельные особняки содержать невыгодно. Длинную электротрассу поддерживать за свой счет, водопровод, канализацию... Отопление зимой, опять же, или через свою мини-котельную на мазуте или газе, или электрообогревателями, что дорого. Подъездные пути для машин содержать тоже сложно – чуть пройдет ураган, даже не самый сильный, как дорога завалена ветками, а то и стволами. Иногда и трактор приходится нанимать, чтобы оттащить. В городе жить куда дешевле, особенно если центральное отопление от ТЭС подключено. Правда, здесь, на юге оно редкость, его по большей части на севере делают. Ты место запомни, это ориентир. Через примерно пятьдесят шагов надо свернуть...

Внезапно Дзинтон осекся и остановился.

– Что... – начала Цукка, но парень остановил ее поднятой ладонью:

– Тихо. Мне показалось...

Он не договорил и застыл, прислушиваясь.

– Мне показалось, что я слышал детский плач, – пояснил он минуту спустя. – Наверное, все-таки показалось.

И тут из старого дома донесся звонкий голос, выкрикивающий что-то неразборчивое. Что-то маленькое, быстрое и светлое выскочило из дверного проема и с разгона врезалось Цукке в живот. Та невольно охнула от боли. Ребенок? Маленькая девочка? Что она делает здесь одна в такое позднее время? Почему она плачет?

Дзинтон быстро присел на корточки и положил ладони на плечи девочке, разворачивая ее к себе.

– Так, ну и где здесь пожар, молодая госпожа? – осведомился он.

– Карине плохо! – выкрикнула девочка. – Она умирает! Блистательный господин, помоги, униженно прошу тебя о помощи!

– Тихо, тихо, малышка, – успокаивающе произнес Дзинтон. – Мы поможем. Кто такая Карина и где она?

– Она здесь, в доме! – захлебываясь слезами, выдавила девочка. – Помоги, господин, я что хочешь сделаю! Я не могу больше одна!

– Ну, теперь ты не одна, – улыбнулся ей парень, осторожно вытирая ей слезы пальцами. – Мы же здесь. Верно, Цу? Как тебя зовут, молодая госпожа?

– Яна...

– Замечательно, Яна. А теперь успокойся. Мы здесь, и все кончится хорошо, – Дзинтон выпрямился. – Веди нас к своей подружке.

Яна шмыгнула носом и, оглядываясь, поплелась обратно к дому. Дзинтон с Цуккой двинулись за ней.

Внутри дома запах гнили стал куда отчетливее. Похоже, находиться здесь небезопасно – как бы крыша не обрушилась им на головы от малейшего чиха. Куда вообще смотрят городские власти? Развалину давно пора снести! Сырой душный воздух окутал девушку липким покрывалом, и она поежилась. Как кто-то может находиться здесь по собственной воле?

Дзинтон вытащил свой пелефон и включил его, используя экран как источник освещения. По стенам заметались тени. Яна подошла к одному из зияющих дверных проемов и прошла внутрь.

В комнате стоял резкий кислый запах рвоты. При их появлении небольшая мальчишеская фигурка вскочила на ноги и прижалась к стене. На кровати валялась груда тряпья.

– Так-так, – пробормотал Дзинтон. – А вот это действительно плохо.

Он скользнул к кровати и сбросил тряпье на пол. Цукка внезапно осознала, что на кровати, скрючившись, лежит детская фигурка в испачканном белом платье. Дзинтон осторожно перевернул ее с бока на спину и взгляделся в лицо.

– Яна, что с ней? – осведомился он, укладывая включенный пелефон экраном вверх на какой-то выступ на стене. Потом он извлек из кармана маленький фонарик, приподнял веко и подсветил зрачок девочки. – Что случилось?

– Мы... – Яна явно колебалась, не зная, что говорить. – Мы поели днем... а потом она сказала, что у нее болит живот, и ее начало рвать. Потом мы шли, а ее снова вырвало, и она упала...

– Понятно, – кивнул парень. – Вы с ней ели одно и то же?

– Да.

– Значит, не отравление...

Он разжал зубы девочки и заглянул ей в рот, все так же подсвечивая фонариком, пощупал пульс на шее, задумчиво пошипел сквозь зубы.

– Яна, ответь мне, пожалуйста, только честно, – он повернулся к младшей девочке, испуганно прижавшейся к стене возле мальчишки. – Вы не пили никаких лекарств? Таблетки, травы? Такие, от которых становится приятно и весело, например?

Яна помотала головой.

– Я не знаю, господин, – быстро произнесла она. – Сегодня – нет.

– А вчера? Позавчера?

Яна промолчала.

– Так, – Дзинтон снова пошипел сквозь зубы. – Цу, помоги. Мне надо добраться до ее живота. Я ее приподниму, а тыними платье.

Цукка кивнула. Интересно, а он что, врач? Уж больно уверенно он действует. Впрочем, когда она через голову стаскивала платье с девочки, мысль тихо умерла в зародыше. Под платьем не оказалось нижнего белья, даже простых трусиков, а все маленькое неразвитое тело покрывали синяки, хорошо различимые даже в неверном свете экрана. Кое-где просматривались мелкие круглые шрамы, словно от ожогов.

– Ее что, ремнем с пряжкой били? – пробормотал Дзинтон. – Небось, какой-нибудь папаша-алкоголик. От него и сбежала, наверное...

Он уложил Карину на спину и несколько раз нажал пальцами в разных точках. Потом задумался.

– Она нужна мне в сознании, – наконец сказал он. – Я не могу проверить ее живот, не получая ответной реакции. Ну что же, придется...

Он положил пальцы на солнечное сплетение и каким-то неуловимым движением не то нажал, не то погладил его. В ответ девочка тяжело застонала.

– Все хорошо, малышка, – пробормотал Дзинтон, оглаживая ей волосы. – Все хорошо. Ты в безопасности, расслабься. Ты меня слышишь, Карина?

– Я не хочу на стенд, – невнятно пробормотала девочка. – Мне больно. Пожалуйста...

Дзинтон бросил непонятный взгляд на Яну, но ничего не спросил. Вместо того он ласково произнес:

– Тебя не отправят на стенд, малышка, обещаю. Но ты должна помочь мне. Скажи, так больно?

Он осторожно нажал на живот девочки, и та содрогнулась всем телом.

– Да... – прошептала она.

– А так? Так? Так?

– Больно... – снова прошептала девочка, прерывисто дыша. – Я не хотела их убивать, честно! Я случайно! Я больше не буду, только не делайте больно! Пожалуйста!

– Я больше не сделаю тебе больно, милая, – успокаивающе сказал Дзинтон. – А теперь спи.

Он приподнял голову девочки и нажал пальцами где-то в районе шеи. Хрупкое тельце дернулось и неподвижно вытянулось, но дыхание стало расслабленным и спокойным.

– Она спит, – пояснил парень Цукке, убирая фонарик в карман. – Но ее срочно нужно госпитализировать. Какая-то странная реакция, которую я не понимаю. С одной стороны, все признаки острого гастрита. С другой – я бы сказал, что она находится под остаточным воздействием каких-то сильных нейротропных препаратов, но утверждать не возьмусь. Здесь квалифицированный врач нужен. Так, сейчас аккуратно одеваемся. Я донесу ее до ближайшей городской улицы. Там ловим такси – и в больницу...

– Нет!

Яна отлепилась от стены и бросилась к Дзинтону. Цукка с удивлением воззрилась на нее.

– Пожалуйста, господин, госпожа, не надо в больницу! Я очень прошу! Не надо!

– Но почему? – Дзинтон опять опустился перед ней на корточки, заглядывая в глаза. – Ей не сделают ничего плохого. Наоборот, ее вылечат. Больной живот врачи умеют лечить быстро и хорошо. Понимаешь?

– Но ее вернут назад в институт! – выкрикнула Яна, и осеклась.

Цукка насторожилась. Вернут в институт? В какой?

– В Институт человека? – переспросил Дзинтон. – А, Яна? В Институт человека, да?

– Я не знаю, господин, – прошептала девочка, избегая его взгляда. – Меня туда привезли только вчера... ой!

Она обеими руками зажала себе рот, как делают невольно проболтавшиеся во время вра-
нья дети.

– Яна, – успокаивающе сказал юноша. – Пожалуйста, поверь – я не хочу тебе вреда. Я хочу помочь вам с Кариной, но ты должна честно ответить мне – это вы сбежали оттуда вчера ночью?

Девочка прерывисто вздохнула и кивнула.

– М-да... – пробормотал Дзинтон. – Действительно, в больницу ее не стоит везти. Но что делать?

Он отпустил девочку и выпрямился. Какое-то время он стоял, задумчиво покачиваясь с пятки на носок. Потом тряхнул головой.

– Цукка, пожалуйста, дай твой пелефон, – сказал он. – Разблокированный.

Цукка непонимающе взглянула на него, но сняла маленькое устройство с шеи, ввела код и протянула Дзинтону. Тот взял его и принялся что-то набирать. Цукка невольно засмотрелась на танец его пальцев в сенсорной области – они порхали в воздухе с немыслимой скоростью, и пощелкивание динамика, подтверждавшего ввод буквослогов, сливалось в сплошной треск. Потом Дзинтон взял в руки свой пелефон – по стенам вновь заматались тени – и быстро проделал с ним какие-то операции.

– Вот, – он протянул Цукке ее пелефон. – Я ввел список лекарств, которые нужно купить, и перебрал тебе немного электронной налички. У меня в кошельке больше нет, но должно хватить. В крайнем случае добавь немного своих, я потом верну. На углу Сиреновой и Ясной улиц есть аптека – знаешь?

Цукка отрицательно мотнула головой.

– Я еще не освоилась здесь, – смущенно сказала она. – Ты же знаешь...

– Ах, да... – пробормотал Дзинтон. – Вот незадача. Как же тебе дорогу объяснить?..

– Я знаю ту аптеку, господин, – раздался звонкий голос. Мальчишка, жавшийся в углу, наконец осмелился приблизиться. – Я могу проводить госпожу.

– Замечательно, – улыбнулся ему парень. – А старый отель «Маронова роща» знаешь?

– Да.

– Еще лучше. Проводи госпожу Цукку до аптеки, а потом в отель. Я отнесу туда Карину. Только надо быстро – ей очень плохо, нужно торопиться. Как тебя зовут?

– Меня зовут Палек Брин. Рад познакомиться, господин. Прошу благосклонности.

– Радость взаимна, молодой господин. Благосклонность пожалована. Я Дзинтон. Давай, Палек, я на тебя надеюсь.

Мальчишка подошел к Цукке и выжидающе взглянул на нее. Дзинтон слегка кивнул девушке, и та, кивнув в ответ, двинулась к двери. Да, похоже, сегодня приключений на ее долю выпадет куда больше, чем она думала еще десять минут назад...

Проводив девушку с мальчиком взглядом, Дзинтон набрал номер и поднес пелефон к уху.

– Добрый вечер, доктор Карсаки, – произнес он. – Дзинтон беспокоит, Дзинтон Мураций. Прошу прощения, что звоню в столь поздний час, но мне требуется квалифицированная врачебная консультация. Да, прямо сейчас. Да, строго конфиденциально. Приношу свои нижайшие извинения, но речь в буквальном смысле о жизни и смерти. У девочки острый гастрит, низкое давление, а возможно, и что-то сверх того, вплоть до проблем с сердцем. Нет, я не могу вызвать скорую – очень деликатный вопрос. За время и срочность – оплата по двойному тарифу... Долго объяснять, лучше вызовите такси и попросите водителя доставить вас в отель «Маронова роща» – в его навигаторе он должен присутствовать. Да, жду. Спасибо.

Он выключил пелефон и повернулся к Яне.

– Карсаки – хороший врач и в полицию не пойдет, – пояснил он. – Помоги мне одеть Карину, и мы отнесем ее ко мне домой. Там она окажется в безопасности.

Он внимательно посмотрел на девочку.

– Яна, ты сама-то как себя чувствуешь? Не мутит, не тошнит?

– Нет, господин Дзинтон, – мотнула она головой. – Только есть хочется.

– Ну, с такой бедой мы справимся легко, малышка, – улыбнулся парень. – Только до дома доберемся. Ты уж продержись еще немного, а то я вас двоих не унесу. Здесь недалеко, минут десять идти. Справишься? Вот и молодец. А сейчас надо одеть Карину, чтобы она не замерзла, пока мы ее несем. Я приподниму Карину, и ты наденешь на нее платье. Держи его вот так, хорошо?..

На улице стемнело окончательно, но на дорожку меж крон деревьев пробивался свет восходящего Звездного Пруда. Лопухи и трава отбрасывали глубокие темные тени, в которых терялись трещины и выбоины, так что босоногая Яна постоянно запинаясь, с трудом удерживаясь на ногах. В конце концов она ухватилась за рубашку Дзинтона, несущего Карину на руках. Идти стало немного легче. Но вскоре тот свернул с дорожки на лесную почву, и шагать снова стало трудно. Усталые ноги, казалось, считали необходимым запнуться за каждый корень, и вскоре отбитые пальцы начали нестерпимо саднить. Когда они добрались до темного дворика отеля, девочка окончательно выбилась из сил и еле плелась.

– Ну, вот и пришли, – облегченно выдохнул Дзинтон, укладывая девочку на скамейку во дворе. – Сейчас...

Он щелкнул выключателем, зажигая фонарь, и открыл входную дверь. Снова подхватив Карину, он кивнул Яне:

– Проходи.

Сбросив сандалии, он поднялся на высокий пол коридора. Яна нерешительно замерла у входа. Дзинтон, уловив ее колебания, повернулся и удивленно поинтересовался:

– Что-то не так?

– У меня ноги грязные, – смущенно пояснила Яна. – Я напачкаю...

– Да ты и остальная не слишком-то чистая, – усмехнулся парень. – Заходи, не бойся. Что запачкаешь – отмою. Ванная в конце коридора, залазь и отмокай. Чистая одежда... М-да. С ней сложно. Нет у меня подходящей одежды для девочек твоего возраста. Может, Цукка что придумает – она должна появиться к тому времени, когда ты отмоешься. Ну, в крайнем случае пока походишь в своей хламиде. Давай, марш в ванную!

Он прошел по коридору, ногой открыл дверь в одну из комнат и скрылся в ней вместе с Кариной. Яна вздохнула и на цыпочках, чтобы не пачкать слишком сильно, ступила на высокий пол. Она прошла по коридору и заглянула в комнату. Платье Карины, окончательно изгвазданное за сегодняшний день, валялось на полу. Нагое тело девочки вытянулось на пустом матрасе кровати, и Дзинтон осторожно ощупывал ей живот. Яна поежилась. А вдруг он извращенец, который любит приставать к маленьким девочкам, как те двое дядек? Нет, не может быть. Он такой добрый и решительный...

Она прошла дальше и с третьей попытки обнаружила ванную. Пустив горячую воду, она забралась в ванну и принялась усердно тереть себя обнаружившейся здесь же мочалкой.

Цукка с Палеком появились одновременно с доктором Тарсаки. Они как раз подходили к дверям отеля, когда за кустами зашелестел мотор автомобиля и хлопнула дверца. Выбравшись на дорогу, высокий сухопарый мужчина с седыми висками и пухлым саквояжем в руках осведомился:

– Здесь отель «Маронова роща»? Мне необходимо видеть господина Дзинтона. Где пациентка?

– Дзинтон, наверное, в доме, – откликнулась Цукка. – Мы в аптеку ходили за лекарствами. – В качестве доказательства она продемонстрировала пакет с упаковками, на котором красовалась эмблема аптеки. – А ты, господин...

– Я доктор Тарсаки. Он вызвал меня по коммуникатору. И вообще, я вижу, времени зря он не терял, – сухо проговорил доктор. – Интересно, зачем он звонил, если сам поставил диагноз и сам выписал лечение? Что же, пройдемте.

У кровати Карины, впрочем, его неприязнь мгновенно испарилась, сменившись профессиональным интересом. Он, как и Дзинтон накануне, приподнял веко и заглянул Карине в зрачок, пощупал пульс, потом быстро распаковал саквояж, достав из него портативный диагност, и принялся споро прилаживать сенсоры к телу девочки. Прилепив три штуки, он недовольно оглянулся.

– Господин Дзинтон, я бы предпочел, чтобы во время осмотра мне не дышали в затылок.

– Хорошо, доктор, – кивнул парень. – Так, граждане, давайте-ка выйдем на несколько минут, тем более что у меня еще одно неотложное дело есть.

Он приобнял Цукку с Палеком за плечи и полувывел-полувытолкал в коридор, прихватив из аптечного пакета несколько упаковок таблеток и пузырьков и прикрыв за собой дверь.

– Доктор Тарсаки весьма квалифицированный терапевт, но характер у него не слишком уживчивый, – пояснил он вполголоса, словно извиняясь. – Да и вообще, прав он – врачебный осмотр дело интимное, не следует посторонним присутствовать. Тем более мальчикам, – добавил он, покосившись на Палека.

Палек вспыхнул.

– Можно подумать, я голых девчонок в бане не видел, – пробурчал он. – И вообще, мне пора, господин Дзинтон. Приятной вам ночи...

– А ну-ка стой, обидчивый ежик, – засмеялся Дзинтон. – Не сворачивайся в шарик, я не кусаюсь. Цу, там Яна в ванной плещется – попытайся придумать, во что ее одеть. Не в ту же грязную тряпку на три размера больше, чем надо. Ночная рубашка у тебя есть запасная? Выдай ей на ночь, будь другом, а завтра разберемся, что к чему, на свежую голову. Палек, можно тебя на пару слов?

С этими словами он увлек мальчика за собой на кухню, где уселся на табурет и внимательно посмотрел на него. Тот набычился и отвернулся.

– Палек, я очень благодарен тебе за помощь, – серьезно сказал парень. – Ты нас очень выручил. Но об этом мы еще поговорим, а пока скажи мне вот что: тебе вообще есть, куда идти?

Мальчик не ответил.

– Понятно, – вздохнул Дзинтон. – Ты тоже сбежал с Кариной и Яной из Института?

Палек мотнул головой.

– Тогда из детского дома, да? Я угадал? – Дзинтон приподнял его голову за подбородок и заглянул в глаза. – Угадал. То-то у тебя имя северное! Вот что, ежик, никуда ты сегодня не пойдешь. Места здесь хватает, и ночевать под крышей куда лучше, чем на улице или в той гнилой халупе. А еще мы сообразим, чем вас с Яной накормить. Ты ведь тоже, наверное, есть хочешь.

– Я лучше пойду, – буркнул мальчик. – Спасибо за...

– Палек, – перебил его Дзинтон, – я понимаю, о чем ты думаешь. Ты боишься, что завтра я позвоню в полицию, и тебя вернут обратно в детдом. Обещаю – я так не поступлю. Как и любому взрослому, мне не нравится, когда дети остаются сами по себе, без присмотра – когда подрастешь, поймешь, почему. Но тебя я не выдам, честное слово. И еще... – Он поднялся и отошел к окну, вглядываясь в ночную темноту. – Эта девочка, Яна. Ей страшно и одиноко. Не оставляй ее сегодня ночью, хорошо? Ей нужен друг, хотя бы на время. Помогии ей, ладно?

– Хорошо, – кивнул Палек. – Но ты точно обещаешь, господин Дзинтон, что не вызовешь полицию? И твоя жена тоже?

– Во-первых, Цукка не моя жена, – улыбнулся ему парень. – И даже не подруга. Она сама по себе. Во-вторых, без формальностей. Зови меня просто Дзинтон. В-третьих, я точно обещаю, что не вызову полицию. И ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь. Так. Теперь немного похимичим...

Он разложил по столу лекарства и пузырьки. Включив чайник и вытащив из одного стола ступку, он быстрыми ловкими движениями начал размалывать таблетки, высыпая получив-

шиеся порошки в ячейки пластиковой формочки для льда. Потом он налил в небольшой стакан согревшуюся воду, вскрыл пузырьки – по кухне разлился резкий лекарственный запах – и начал вливать в стакан жидкости и всыпать порошки. Иногда он переливал состав через тряпочку в другой стакан, сливая в раковину осадок. Палек как завороченный наблюдал за ним.

– А что ты делаешь, гос... Дзинтон? – наконец осведомился он, не выдержав. – Лекарство?

– Лекарство... – рассеянно согласился парень. – Особое лекарство, которое в аптеках не продают. Боюсь, нашей Карине без него не выжить. Еще чуть-чуть добавим...

Он плеснул в стакан с жидкостью, которая казалась сиреневой, микстуру из пузырька, и состав медленно сменил свой цвет сначала на прозрачно-голубой, а потом стал бесцветным.

– Почти готово. Осталось убрать лишнее, и все.

Он вылил часть жидкости в металлический ковшик и поставил его на горячую плиту. По кухне распространился новый запах – слегка сладковатый и приторный. Дзинтон удовлетворенно кивнул.

– Готово, – сообщил он. – О стерилизации беспокоиться не станем – микроб, способный выжить в таком зелье, достоин уважения не менее, чем льдинка в огне.

Он сгреб со стола остатки лекарств и бросил их в мусорное ведро, потом промыл использованную посуду и поставил ковшик с жидкостью на шкаф, прикрыв его стеклянной подставкой для горячего.

– Эй, мужчины! – в кухню вошла Цукка, за которой следовала Яна. На девочке красовалась длинная ночная рубашка, волочившаяся по полу, ее влажные волосы торчали во все стороны. – У вас тут химическая экспресс-лаборатория? Или серьезный разговор? Можно поучаствовать глупым женщинам?

– Глупым женщинам – нельзя, – подмигнул Дзинтон. – И глупым мужчинам тоже. Но вы у нас обе умницы и красавицы, верно? Значит, вам можно. Ты как, не проголодалась после пробежки по аптекам?

– Нет. Но наших гостей надо чем-то накормить. Ф-фу, как воняет. Чем вы тут занимались?

– У нас оставалась готовая еда, – Дзинтон переместился к холодильнику и заглянул в него. – Так... вчерашняя вареная картошка, сегодняшней бекон, полвилка капусты, но его на потом... сосиски, а тут яйца и майонез. А тут... – Он заглянул в хлебницу. – Полбатона. Сойдет. Эй, молодежь, устраивает меню? Так, сейчас мы все погреем и покрошим, и будет вам обедение.

– Я там еще молока купила и несколько йогуртов, – заметила Цукка. – Тоже бери.

Яна с Палеком набросились на еду так, что за ушами затрещало. Дзинтон наблюдал за ними почти с отеческой улыбкой. Цукка хихикнула про себя. Мужчин хлебом не корми, дай почувствовать себя защитником слабых детей и угнетенных женщин. Однако он, кажется, умеет обращаться с детьми, и те отвечают взаимностью...

Пару минут спустя в дверь заглянул доктор.

– Я закончил обследование, – сообщил он. – Господин Дзинтон, можно тебя на несколько слов?

Дзинтон взглядом позвал за собой Цукку и прошел за доктором в комнату Карины.

– Итак, молодые люди, – прежним сухим тоном сообщил он, – если бы у меня не имелось привычки держать язык за зубами в вопросах, меня не касающихся, я бы, несомненно, обратился бы в полицию и предъявил вам – или родителям девочки – обвинение в жестоком обращении с детьми. У ребенка по всему телу следы побоев и издевательств, причем большую часть из них я затрудняюсь интерпретировать. Полукруглые шрамы походят на ожоги от сигарет, а вот синяки и ссадины – на побои ремнем с большой пряжкой, наподобие армейского. Плюс к тому – натертости на запястьях и лодыжках, характерные для наручников или жестких пут...

– Меня не интересуют внешние следы, доктор, – жестко оборвал ее Дзинтон. – Их мы в состоянии рассмотреть самостоятельно. Что внутри?

– Ну, – доктор заложил руки за спину и прошелся по комнате, – я, безусловно, диагностировал острый гастрит, как ты и предполагал. Причина непонятна, но если учесть, что у девочки ярко развитая атония кишечника, я бы предположил, что она просто съела много грубой твердой пищи, которая и вызвала раздражение слизистой. Если бы речь шла о взрослом человеке, – добавил он, поколебавшись, – я бы предположил, что его долго держали без сознания, как практикуется в некоторых тюрьмах для особо опасных преступников и психиатрических лечебницах. В обездвиженном состоянии питание осуществляется жидкими смесями, вводимыми в желудок через носовые трубки, что крайне негативно сказывается на правильном функционировании кишечника. В пользу такой версии говорят и следы на руках и ногах, характерные для фиксирующих захватов, и потертости кожи в районе ноздрей, и раздражения, обычные при частом введении анального и уретрального катетеров, и характерные параметры мышц конечностей, как бы находившихся на постоянной электротренировке. Если человек, долгое время находившийся в состоянии такой фиксации, внезапно начнет есть твердую пищу, у него, несомненно, разовьется острый гастрит в форме, которую мы наблюдаем сейчас. Но, господин Дзинтон, подобные меры категорически запрещены к применению в отношении несовершеннолетних детей из-за катастрофического их влияния на развивающийся организм.

– Понятно, – медленно проговорил Дзинтон. – И каков прогноз?

– Я ввел лекарства, снимающие остроту воспаления. По большому счету, ее организм в порядке, если не считать общего болевого шока. С сердцем у нее, кстати, все нормально – острый гастрит иногда сопровождается симптомами, характерными для инфаркта, так что непрофессионал вроде тебя, – в его голосе проскользнули самодовольные нотки, – вполне может и запутаться. Покой, желательно в постели, тепло, минимум пять раз в день жидкое питание наподобие нежирных бульонов с хлебным мякишем и пресных протертых каш, постепенный переход на нормальную пищу, сначала мягкую, потом твердую, но не жирную и не острую. Лекарства давать в соответствии с расписанием, что я оставлю – и через период она вполне оправится. Имейте в виду – на первых порах у нее весьма вероятны запоры, так что слабительное обязательно. Купите его завтра же. В остальном, господин мой Дзинтон, я склонен одобрить твой набор лекарств. Разумеется, я бы выписал несколько иные препараты, аналогичные, более дорогие и качественные, но, в общем, сойдут и такие. Да, разумеется, через неделю следует снова показать ее врачу, чтобы удостовериться в нормальном ходе лечения.

– Могу я снова рассчитывать на тебя, доктор Тарсаки?

– Да. Но только, ради всех богов, не в такое время, как сейчас.

– Само собой, доктор, – Дзинтон достал из кармана брюк бумажник. – Ты, как всегда, предпочитаешь бумажные деньги?

– Само собой, – кивнул тот. – Не верю я новомодным электрическим монетам, которые даже и в руках-то не поддержишь.

– Вот, – Дзинтон протянул ему бумажки. – Надеюсь, сумма вполне компенсирует причиненное беспокойство.

– Вполне, – согласился врач, убирая деньги. – Приятно иметь с тобой дело.

– Взаимно. Такси я уже вызвал, оно прибудет с минуты на минуту.

Цукка подозрительно взглянула на Дзинтона. Она как-то не заметила, чтобы тот воспользовался пелефоном хотя бы раз после прибытия доктора. Когда он успел? А сколько денег он заплатил! Четыре тысячи – ничего себе консультация терапевта!..

Когда за врачом закрылась дверь отеля, Дзинтон вернулся в комнату Карины, прихватив с собой ковшик. Он вытащил из аптечного пакета шприц и наполнил его жидкостью из ковшика.

– Двух кубиков должно хватить... – задумчиво проговорил он. – Зависит, конечно, от дозы, но вряд ли она получила слишком много.

Перетянув девочке плечо жгутом, он воткнул ей в вену иглу и, сняв жгут, аккуратно, медленно ввел лекарство.

– Что ты вколол? – поинтересовалась Цукка.

– Антидот, – дернул плечом Дзинтон. – Не спрашивай, от чего, тебе ответ точно не понравится.

Бросив на стол пустой шприц, он прикрыл спящую девочку вытасненным из шкафа одеялом.

– Ну вот, – задумчиво сказал он, усаживаясь на стул. – Похоже, у нас завелся еще один жилец. Точнее, два, а то и три – Яне с Палеком тоже некуда идти. То я один как перст, то сразу целая компания, чуть ли не настоящая семья. Надо завтра купить постельное белье. Да и одежду для девочек – тоже. У них даже нательного белья нет.

– И ты не хочешь вызвать полицию? – поинтересовалась Цукка, присаживаясь на край кровати и осторожно подтыкая на Карине одеяло. – Помнишь, что сказал врач? Какие-то изверги над ней измывались, по ним же тюрьма плачет!

– Ты слышала, что сказала Яна? Они бежали из Института человека.

– Из Института человека? – удивилась Цукка. – В первый раз слышу.

– Широко известная в узких кругах контора, – пояснил Дзинтон, нахмурившись. – Формально – неправительственная организация, занимающаяся философскими изысканиями, поддержкой литераторов определенного сорта, разработкой и финансированием социальных проектов и так далее. Есть даже департамент, разрабатывающий теоретические модели функционирования искинов. На деле же Институт – тайное детище блистательного господина Тоя Карация, слышала про такого?

– Который глава партии гуманистов?

– Именно. А поскольку его партия уже не первое десятилетие стабильно имеет в Ассамблее от сорока до пятидесяти процентов голосов, формируя с прогрессистами квалифицированное большинство, господин Той Караций имеет огромное влияние как в правительстве, так и в президентской администрации. Он негласно влияет на распределение серьезных финансовых потоков, часть которых перепадает Институту человека отнюдь не на философские эссе. В частности, Институт по заказу...

Дзинтон замолчал.

– Что? – переспросила Цукка, когда молчание затянулось.

– Тебе, пожалуй, лучше не знать, – качнул головой Дзинтон. – Меньше знаешь – крепче спишь. Но детей туда я вернуть не позволю. Особенно после того, как своими глазами увидел, что сделали с Кариной.

Девушка задумалась.

– Но ведь содержать троих детей дорого, – наконец сказала она. – Где мы возьмем деньги?

– Мы? – улыбнулся Дзинтон, и от его улыбки у Цукки по жилам словно прокатилась волна приятного тепла. – Спасибо, Цу, но тебя я в расходы втягивать не намерен. Тебе лишних денег действительно пока взять неоткуда. Ну, а я... придется играть на бирже не два часа в день, а три или четыре. Опять же, я придумал новую эвристику, так что есть шанс, что и того не понадобится. Поставлю на автомат, и пусть шуршит само. В общем, я выкручусь. Другое дело, что детьми надо заниматься, а у меня как-то нет опыта обращения с ними. Вот если сможешь приглядывать, скажу большое спасибо.

– Конечно, я помогу! – горячо сказала Цукка.

– Вот и здорово! – снова улыбнулся Дзинтон. Внезапно он бесшумно встал со стула, в три шага пересек комнату и резко распахнул дверь. Раздалось двойное громкое ойканье, и Яна с Палеком, неожиданно потеряв опору, ввалились в комнату.

– Подслушиваем, значит? – укоризненно спросил Дзинтон. – Ну, поросята!

Дети, потирая ушибленные ладони и локти, уселись на полу, виновато отводя взгляд.

– Ладно, на первый раз прощаю, – резюмировал парень. – Но еще раз поймаю – в уши наплюю, чтобы не чесались лишний раз. Ну что, мелочь пузатая, наелись? А посуду за собой помыли? Я так и думал. Нет уж, прислуга здесь отсутствует, так что за собой придется прибираться самостоятельно. Ну-ка, в кухню, вымыть посуду, а потом спать. Утро – утешитель, завтра разберемся, что к чему. Цу, – обратился он к девушке, – ты бы тоже ложились. Тебе на работу вставать.

Он по очереди подхватил насупившихся детей под мышки, поставил их на ноги и вышел вместе с ними. Цукка, не удержавшись, снова хихикнула. Ну точно – не человек, ураган.

И однако же – откуда Дзинтон все знает? Про Институт человека, про Тоя Карация? Почему он разбирается в медицине не хуже настоящего доктора? И откуда он знает того странного врача? Они ведь явно встречаются не в первый раз!

А вдруг он шпион? Цукка хмыкнула. Ну да, шпион Четырех Княжеств, у которого дел других нет, кроме как за приبلудными детьми ухаживать. Ох, что только не придет в сонную голову. Внезапно девушка осознала, что глаза буквально слипаются. Действительно, надо ложиться. Под душ – и спать. А думать она станет завтра утром. Прав Дзинтон – вечер паникер...

Ночью Яна пробудилась словно от толчка. Рядом на принесенной из соседней комнаты кровати тихо посапывал Палек, в окно без занавесок лился звездный свет, пробивающийся сквозь качающиеся кроны деревьев. Под колючим одеялом было на удивление тепло и уютно. Девочка лежала в темноте, глядя в потолок, и чувствовала, что страх остался где-то там, за стенами отеля. А здесь есть Цукка, и Дзинтон, и Палек, и Карине больше ничего не угрожает. Наверное, Дзинтон – очень хороший человек, потому что он знает про Институт и не хочет возвращать их туда несмотря на полицию. И еще, подслушивая под дверью, она не чувствовала в нем лжи и нечестности – только спокойную уверенность, легкую улыбку, небольшую озабоченность и, где-то глубоко-глубоко внутри, скрытую искру такой же ярости, какую она чувствовала в Карине утром. И Цукка – в ней скрывалась тревога, как у мамы, тревога, и жалость, и озабоченность, и немного страха. Наверное, она тоже хороший человек.

Но Цукка сказала, что содержать троих детей – дорого. Невежливо заставлять чужих людей нести большие расходы. Но что можно сделать? Она еще маленькая, она даже не может пойти и устроиться на работу. Но зато она может во всем помогать по дому – мыть пол и посуду, убирать, мести двор, ходить в магазины. Мама с папой ее всему научили. А потом, когда она вырастет, она обязательно вернет Дзинтону все деньги, которые тот на нее потратит.

Но у нее есть дар. Должна ли она сказать про него Дзинтону и Цукке? Она не знает. Так нечестно – не сказать. Мама и папа умерли, но мама всегда говорила, что показывать свой дар чужим людям нельзя ни в коем случае. Иначе ее заберут в плохое место и начнут больно колоть иголками. Но Дзинтон и Цукка уже не совсем чужие – ведь они помогли Карине. А если она станет жить с ними, то они совсем не чужие.

Решено. Она подождет еще немного и расскажет им. И если они не испугаются и не отдадут ее обратно в Институт, все будет хорошо. Навсегда.

И с этой мыслью Яна уснула легким безмятежным сном.

Палек проснулся от того, что одеяло сползло на пол. Он поворочался, устраиваясь поудобнее и прислушиваясь к сопению спящей рядом Яны. Девчонки, покровительственно подумал он. Вечно всего боятся и вздрагивают на пустом месте. Эта вот вцепилась в него, словно репей, и даже засыпала, ухватив его за руку. Наверное, в первый раз сбежала из детдома. Интересно, что за название такое дурацкое – «институт»? Впрочем, для девчонки сбежать – подвиг, так что Яна все-таки молодец. Можно даже путешествовать вместе. Правда, рано или

поздно они все равно попадутся в руки полиции, и их вернут обратно, но никто ведь не мешает им сбежать снова, верно? Не прикуют же их цепью...

Интересно, а Карина... ведь она совсем не могла двигаться. Как же они попали в заброшенный дом? Он уже задремал в своей комнате и проснулся только от скрипа половиц. Кто же знал, что в заброшенную развалину кто-то припрется? Да, жаль, он не видел, как они туда попали. Неужели мелкая и явно слабосильная Яна тащила Карину на себе? Ну она дает...

Наверное, пока стоит остаться здесь. Тем более что директорша наверняка опять поставила полицию на уши, и вокзал с автобусными станциями под усиленным наблюдением. Дзинтон, кажется, неплохой дядька – и разговаривает нормально, и полицию звать не стал. Даже то, что посуду заставил помыть – тут все честно, сами насвинячили, сами убираем. Только, кажется, видит прямо насквозь. Как он догадался про детдом и что они подслушивают? Ну, неважно. Главное, здесь можно пока пожить, прежде чем отправиться путешествовать дальше. А обузой он точно не окажется, ха! Яну с Кариной, может, и надо содержать, а он, Палек, прекрасно прокормит себя самостоятельно. И не только себя. Завтра утром можно осторожненько совершить вылазку в город и осмотреться. А там... наверное, толстый Морж все еще не прикрыл свою лавочку...

Не додумав мысль, мальчик снова уснул легким безмятежным сном.

12.05.843, деньдень

Утреннее солнце било в окна так, словно хотело проплавить их насквозь. Яна с Палеком, жмурясь, жевали яичницу с колбасой, когда Дзинтон стремительно вошел в кухню.

– Так, все. Цукка ушла на работу, а дом остался на нас с вами. Ну что, мелочь пузатая, давайте, дожевывайте. Надо за жизнь поговорить.

Он взял со стола кувшинчик с водой и в три глотка почти опорожнил его.

– Ф-фу! – довольно сказал он. – Что-то жарко сегодня с утра. Или я просто забегался? – Он оседлал табурет, упершись локтями в стол, и, подперев подбородок, стал наблюдать, как дети торопливо дожевывают яичницу.

– Итак, – сказал он, когда последние крошки поджаренного хлеба оказались доедены. – Начнем с того, что у нас нежданно-негаданно образовалась коммуна. А в коммуне надо соблюдать некоторые правила. И правило номер один: в доме вести себя тихо, – он загнул большой палец. – Не бегать, не кричать, особенно когда Карина спит. А она в ближайшие дни спать станет все время. Правило номер два: когда я работаю у себя в комнате, постарайтесь меня не отвлекать, – Дзинтон загнул второй палец. – Поскольку я не просто работаю, а зарабатываю деньги, причем с сегодняшнего дня и на вас, оболтусов, лишние вопросы в неверное время могут оставить вас без мороженого. И наконец – иждивенцев здесь нет и не будет. Прокормить я вас смогу, но сильно огорчусь, если вы сядете мне на шею и ножки свесите. Раз живете здесь, то отвечаете за определенные дела.

Он внимательно посмотрел на детей. Те согласно кивнули.

– Главное в том, что готовка еды – вещь нудная, утомительная и отнимающая много времени. А я в повара не нанимался. И Цукка тоже. Так что с сегодняшнего дня устанавливаем график дежурств по кухне. Сегодня, ладно уж, дежурный я. Но завтра – вы двое. Послезавтра – Цукка, потом снова я, потом вы, и так далее. Выздоровеет Карина – задействуем и ее, но пока она на положении лежачего инвалида. Рецепты выдаю я или Цукка, вы же по-первости станете их применять на практике. Набьете руку – посмотрим. Далее, походы по магазинам полностью на вас. Если продавцы станут спрашивать, вы – брат с сестрой, мои дети. Списком продуктов обеспечим, деньгами я снабжу, остатки можете оставлять себе на карманные расходы, но на многое не рассчитывайте, я не миллионер. Понятно?

Дети снова синхронно кивнули.

– Замечательно. Также периодически, раз в период-два, устраиваем в доме большую уборку. Участвуют все. Ну и, наконец, в течение ближайших двух-трех дней как минимум Карину из кровати я не выпущу. Пусть ее желудок в себя приходит. Еду ей придется носить в постель, а сверх того где-то я видел ночной горшок. Его тоже поставим в комнату, и его нужно выносить. И то, и другое – на вас. Угу?

– Угу, – пробурчал Палек. – А только в детдоме готовить не заставляли.

– Ну, кто тебя просил сбежать, путешественник? – пожал плечами Дзинтон. – Сам сбежал – сам отдувайся. Мир, знаешь ли, суровое место. За все кто-то платит – или ты, или другие. В детдоме за уход за тобой платит государство. Здесь мы сами по себе, так что и барахтаться придется самостоятельно. Так, теперь о насущном. Яна, – он окинул девочку критическим взглядом, – ночнушка Цукки – не самая лучшая одежда. Вчера вечером я быстро простирнул ваши с Кариной платья, и они уже высохли. Висят на веревке во дворе. Пока надень свое или побегай голой, если не замерзнешь. Потом подумаем, как вас с Кариной одеть. Проблема в том, что сначала нужно вас в магазин доставить, а Карину пока одну оставлять я не хочу. То есть поход за одеждой временно откладывается.

Он стремительно встал со стула.

– Теперь займитесь пока чем-нибудь, а я сварю бульон. Покормим Карину – пойдете в магазин.

Пока Дзинтон возился с оттаивавшим с раннего утра куском мяса, извлеченным из морозилки, Яна быстро влезла в свое платье. За вчерашний день оно заметно поистрепалось, но все еще выглядело более-менее прилично. Хотя оно оставалось на пару размеров больше, чем надо, и то и дело норовило сползти с плеч, от утренней прохлады, все еще держащейся под деревьями, вполне защищало. Палек окинул девочку критическим взглядом и хмыкнул.

– Какой-то странный у вас детдом, – сказал он. – Даже одежды нормальной не дают. Так ты из какого? Я вот из «Солнечного».

– А я издалека, из другого города, – соврала Яна. Ей совсем не хотелось рассказывать, откуда она на самом деле и что с ними произошло. Она боялась, что Палек станет приставать с расспросами, но обошлось. Взамен он потянул ее осматривать заброшенный сад, окружавший старый отель. Почти сразу они обнаружили тропинку, выводящую на скалу над бухтой, и восторженно любовались открывшимся видом, пока Яна не вспомнила про Дзинтона и Карину.

Наперегонки добежав до отеля, они обнаружили, что ароматный бульон, смешанный с маленькими листками какой-то зелени, уже готов и налит в большую глиняную кружку со смешным человечком на боку. Бульон пах так, что дети невольно сглотнули слюну.

– Терпите, оглоеды, – подмигнул Дзинтон. – Мясо у нас на обед, пальчики оближете. А бульон для лежачих. Пойдемте. Пора Карине и позавтракать.

Он подхватил горячую кружку через старое замызганное полотенце для вытирания посуды и вышел из кухни. Яна двинулась за ним, но вдруг замерла на месте.

А что, если Карина, проснувшись, нападет на Дзинтона? Если она ударит его, как тех мужчин? Если он умрет? Нет, не может быть, она не такая... но вдруг спросонья она просто не разберется?

Она со всех ног бросилась вперед, в самый последний момент протиснувшись между Дзинтоном и дверью комнаты.

– Эй! – недовольно буркнул тот. – Осторожнее. Я чуть на тебя бульон не пролил.

– Господин Дзинтон, а можно я ее разбуджу? – взволнованно поинтересовалась девочка. – Ну, чтобы она не испугалась?

– Буди, конечно, – кивнул парень. – И без формальностей. Давай, Яна, действуй.

Девочка приоткрыла дверь и осторожно проскользнула в комнату. Ее заливало утреннее солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев. Карина все еще спала беспокойным сном: ее голова то и дело перекатывалась по подушке, сухие губы что-то неслышно шептали.

– Надо бы поаккуратнее со снотворным, – пробормотал сзади Дзинтон. – По-моему, доктор Тарсаки переборщил вчера. Ну, Яна, давай.

Яна кивнула и осторожно потрясла Карину за плечо.

– Карина! – позвала она. – Кара! Просыпайся. Это я, Яна. Карина!

– Сейчас... – пробормотала та, не открывая глаз. – Сейчас... надо найти укрытие... Яна, спрячься, нас увидят... Они в нас стреляют!

– Карина, нам не надо больше прятаться! – Яна снова потрясла ее за плечо. – Карина, просыпайся. Мы тебе еды принесли.

Внезапно одним резким движением девочка села на кровати. Одеяло отлетело в сторону, и Яна почувствовала странную давящую тяжесть на висках. Она увидела прямо перед собой совершенно безумные глаза Карины, и тут же что-то невидимое, скользкое и упругое, захлестнуло горло, и сразу стало трудно дышать.

– Карина! – пискнула она. – Это я! Я же!

Тяжесть в висках и ощущение петли на горле пропали так же внезапно, как и появились. Карина, тяжело дыша обвела комнату взглядом, задержавшись на Дзинтоне с Палеком, и снова посмотрела на Яну.

– Надо спрятаться... – неуверенно произнесла она, но тут же тряхнула головой и принялась тереть глаза кулаками. – Где мы? Я ничего не помню.

– Кара, мы в гостях у господина Дзинтона, – заторопилась Яна. – Он нашел тебя вчера вечером и принес сюда. Он доктора позвал, и доктор тебя лечил. Мы тебе еды принесли!

Она умоляюще посмотрела на Карину. Только бы та не начала драться!

– Ну что, красавица, – весело сказал парень. – Давай знакомиться. Меня зовут Дзинтон. Ну-ка...

Он поставил кружку с бульоном на стол и, осторожно надавив Карине на плечи, принудил ее лечь. Потом, подобрав с пола одеяло, укрыл ее, после чего пощупал лоб, подержал за запястье и, наконец, потрепал по волосам.

– Будешь жить, не помрешь, – пообещал он. – Но сначала нужно вылечиться. У тебя случился приступ острого гастрита. Воспаление желудка, проще говоря. Теперь тебе несколько дней нужно лежать в кровати и пить лекарства, чтобы желудок пришел в себя. Есть хочешь? Вот и хорошо. Давай-ка, выпей бульона.

Несколькими ловкими движениями он приподнял подушку и полуусадил девочку в кровати. Потом осторожно всунул ей в руки обмотанную полотенцем кружку.

– Пей! – велел он. – Только аккуратно, не обожгись.

Каким-то автоматическим движением, не отрывая от Дзинтона взгляда, девочка поднесла кружку к губам и осторожно отхлебнула раз, другой. Внезапно, словно очнувшись, она принялась жадно глотать ароматную жидкость, иногда обжигаясь и с шипением втягивая воздух. Минуту спустя кружка опустела, и Карина вопросительно взглянула на парня.

– Пока все, – мягко сказал он. – Тебе нельзя есть помногу. Не волнуйся, сейчас голод пройдет. Часа через три мы сделаем тебе жидкую кашу, и ты поешь снова. Яна, пожалуйста, принеси с кухни стакан воды.

Он достал из разложенных на столе коробок несколько таблеток и дал Карине их проглотить, заставив запить принесенной Яной водой. Последнюю, большую коричневую лепешку величиной с пол-ладони, он заставил сначала разжевать, несмотря на неприятный вкус.

– Так надо, – сказал он. – Очень хорошее лечение, пусть и невкусное. Неделю придется попить, а там посмотрим. А теперь, малышка, давай-ка ляжем обратно.

Не менее ловко он помог Карине снова лечь горизонтально. Потом он прикрыл ее одеялом и погладил по голове.

– Все хорошо, милая, – негромко сказал он. – Ничего не бойся. Ты в безопасности, тебе больше ничего не грозит. Сейчас попытайся еще поспать до второго завтрака, хорошо?

Он поднялся с кровати и пошел к двери.

– Яна... – шепнула Карина. – погоди. Нужно поговорить.

Яна дернулась к ней, потом за Дзинтоном. Тот кивнул ей.

– Поговорите, конечно, – сказал он. – Пошли, Палек. Нам нужно еще найти горшок на чердаке. – Он подмигнул Яне и вышел, уводя с собой мальчика и закрыв дверь.

– Яна... – прошептала Карина. – Где мы? Не в Институте?

Яна потрясла головой, присаживаясь на край кровати.

– В отеле «Маронова роща», – объяснила она. – Здесь живет Дзинтон. И Цукка. Они хорошие. Они нашли нас вчера вечером, нас и Палека, и взяли к себе. Дзинтон говорит, что никогда не позволит вернуть нас в Институт.

– Хорошие... – Карина криво улыбнулась. – Откуда ты знаешь? Потому что он тебе сказал? Да он соврал!

– Он не врал, – твердо заявила Яна. – Я... я умею чувствовать, когда врут. Он хороший, честно, он не врет.

Карина тяжело вздохнула.

– Что вчера случилось? – спросила она. – Я помню, как мы убегали в лес от... из того дома, а у меня болел живот. А потом ничего не помню.

– Ты упала и перестала двигаться, – Яна наморщила лоб, вспоминая. – И еще тебя тошнило. Потом ты лежала на месте, а я не знала, что делать. Потом я подняла тебя в воздух и понесла, и принесла в какой-то дом, и там оказался Палек. Он мне воды дал. А потом пришли Дзинтон и Цукка... ой, нет, наоборот: я заплакала и побежала, и на них наткнулась. Дзинтон принес тебя сюда и вызвал врача, и врач тебя обследовал и прописал лекарства. А Цукка с Палеком ходили за лекарствами. Кара, а что такое «анальный катетер»?

– А полиция приезжала?

– Не-а, – Яна тряхнула головой. – Они полицию не звали. Только доктора, а доктор тоже в полицию не пойдет. А у тебя живот все еще болит?

– Почти не болит. Так, чуть-чуть. Яна, ты сказала Дзинтону, что я... что ты... что мы не такие, как все?

– Нет еще. Мама говорила, что нельзя говорить другим.

– Правильно. Нельзя, – Карина с внезапной силой ухватила ее за руку. – Яна, дурочка, ты понимаешь, что он нас обязательно в полицию отдаст, если узнает?

– Я не дурочка, – обиделась Яна. – И Дзинтон нас никуда не отдаст. Но я все равно говорить не стану.

– Правильно. Нам надо уходить... – Голос Карины становился все тише и тише, глаза закрывались. – Не говори никому и ни за что... Я еще немного отдохну, а потом мы пойдем дальше...

Она ровно задышала. Яна, убедившись, что та спит, осторожно слезла с кровати и на цыпочках прошла к двери. Вот глупая! Зачем куда-то уходить, если и здесь хорошо?

Деньги Дзинтон доверил Палеку. Яна немного обиделась – она не такая уже и маленькая, сколько раз сама в магазин ходила! – но обрадовалась, когда парень вручил ей список продуктов.

– У тебя, Палек, деньги останутся в большей сохранности, – пояснил он. – Но с выбором покупок лучше управляются женщины. Нам, мужикам, не дано, – и он подмигнул детям. – Давайте, топайте. И не задерживайтесь в городе, вам обоим не стоит особенно светиться на людях. А я пока поработаю.

Он махнул рукой и через две ступеньки взбежал на второй этаж.

Где находятся магазины, Палек знал. Точнее, он знал магазин зеленщика и лавку мясорыбных продуктов. Хлебный же отдел можно найти в любом универмаге. Дети весело напере-

гонки бежали под теплыми лучами утреннего солнца, и их босые ступни ласкала уже не повесенному густая трава по бокам дорожки. Потом Палек вскочил на низкую каменную изгородь над крутым обрывом и, дурачась, запрыгал по ней на одной ножке. Далеко-далеко внизу виднелись кроны деревьев.

– Палек, дурак! – крикнула ему Яна. – Ты же упадешь!

– А вот спорим, что не упаду! – мальчик показал ей язык. – Здесь же широко. Знаешь, по каким камням я лази...

И тут время пошло медленно-медленно. Словно в страшном сне, Яна увидела, как оступившийся Палек, беспомощно взмахивая руками, пытается удержать равновесие. Как его непослушное тело предательски отказывается удерживаться в вертикальном положении. Как радостно распаивается внизу пропасть, ехидно ухмыляясь торчащими зубами-валунами...

И потом время словно замерло окончательно. Палек висел над пропастью, изогнувшись в неудобной позе, а Яна, стиснув зубы и сжав кулаки, отчаянно удерживала его, не давая обрушиться туда, вниз, а ветер, казалось, злобно хохотал, пытаясь вырвать тело мальчика из мертвой хватки ее не-рук, и между лопаток саднило все сильнее и сильнее, и потом она отчаянным усилием потянула его к себе и тут же от накатившей слабости рухнула на колени, ободрав их о камень, а Палек упал на нее сверху, и они оба упали на землю, отчаянно пытаясь отдышаться...

Потом они долго сидели, опершись спинами о ледяной камень ограды, тяжело дыша и приходя в себя. Наконец Палек нерешительно спросил:

– Это ты сделала, да?

– Что – это? – почему-то шепотом переспросила Яна. Все. Теперь Палек знает о ней. И он испугается и убежит. Или начнет дразниться. Или скажет Дзинтону, и тот выгонит ее из дома...

– Ты держала меня и не дала упасть?

Яна подняла глаза и наткнулась на взгляд мальчика. В нем странно мешались опаска и благоговение. Соврать? Не выйдет. Ну что же...

– Да, я, – кивнула она. – Мама говорила, что я – девиант.

– Ух ты! – восхищенно выдохнул Палек, так что Яна слегка опешила. – И ты можешь убить своей невидимой штукой, да? Ну и дела! Я всегда хотел такую иметь! Нет, ты честно девиант, да?

– Честно, – кивнула Яна. Она ожидала чего угодно, но только не такого. – Пожалуйста, не говори никому, ладно? Не скажешь?

– Не скажу, – отмахнулся Палек. – Слушай, а ты много убила?

Яна нахмурилась.

– Ты точно дурак, – со злостью сказала она. – Я никого не убивала. Я вообще никогда раньше свой дар не использовала. А тебя, между прочим, вообще спасла!

Она отвернулась и надулась.

– Эй, не злись! – Палек примиряюще тронул ее за плечо. – По телику говорили, что все девианты – чокнутые, они убивают всех подряд, а значит, их надо изолировать.

– И меня надо изолировать, да? – бросила Яна, не поворачиваясь. Ну конечно, и он туда же.

– Нет, конечно, – вздохнул Палек. – Ты точно не чокнутая. Нормальная девчонка. Извини, ладно? И... спасибо, что помогла.

Яна недоверчиво взглянула на него. Потом она потянулась и заглянула ему в голову. Мальчик действительно раскаивался, что ляпнул, не подумав, и она решила его простить. В самом деле, мальчишки сами немного чокнутые. От природы, как говорит мама. Не обижаться же на них за природу? Наоборот, жалеть надо.

– Пожалуйста, – все еще немного сухо сказала она. – Палек, ты обещаешь, что никому не скажешь? Если скажешь, то меня снова отвезут в Институт, и... – Она поежилась. Что ее

могло ожидать в Институте, она не знала, но ужас Карины перед возвращением чувствовала совершенно отчетливо. Наверное, там и в самом деле плохое место.

– А что такое «институт»? – спросил Палек. – Дзинтон вчера сказал, только я не понял. Ой, извини, – спохватился он, – наверное, невежливо спрашивать. Только ты на людей не кидайся, ладно?

Яна сжала кулаки, чтобы как следует врезать нахалу, но тот только весело рассмеялся, показал язык, вскочил на ноги и отбежал в сторону. Ну что с ним делать? Не бить же его по-настоящему не-руками! Девочка тоже вскочила и погналась за ним.

Несколько минут спустя дети оживленно болтали, забившись глубоко в придорожные кусты. Яна рассказала, как год назад она неожиданно обнаружила, что может двигать вещи, просто посмотрев на них, и как начала видеть, что чувствуют люди рядом с ней. Как перепугались мама и папа, когда она рассказала им. Она уже тогда не раз слышала по телевизору злое, нехорошее слово «девиант», но даже и в мыслях не примеривала его на себя, пока случайно не подслушала разговор родителей. Потом она перестала ходить в школу, и еще они даже переехали в другой город, и долго-долго она училась сама, по учебникам. А потом вдруг за ними на улице стали ходить в отдалении страшные незнакомые люди с плохими мыслями в голове, и мама с папой все время боялись. А потом днем два страшных человека как-то вошли в квартиру через запертую дверь, набросились на нее, нацепили на шею тугий ошейник, от которого стало шумно в ушах и голове, и увели с собой. Ей сказали, что мама с папой уехали и больше не вернуться, но она знала, что врут – она видела в головах, и ей удалось подслушать разговор в соседней комнате. Потом ее раздели, искололи иголками, сняли ошейник, но тут же засунули в глухой железный ящик, шум в котором стоял еще сильнее, чем от ошейника. Наверное, ее куда-то везли, но она почти все время спала, просыпаясь только когда ее грубо будили, чтобы покормить невкусной овсяной кашей и еще какой-то мерзкой гадостью. Иногда, правда, она приходила в себя и сама, в последний раз – перед тем, как Карина разбила ее ящик. Она долго-долго лежала без сна в черной качающейся духоте, и в конце концов ей стало страшно, и она заплакала, и тут что-то ударило в ее ящик, и еще раз, и еще, а потом она увидела Карину.

О том, что случилось потом, Яна все-таки рассказывать не стала. Ей не хотелось вспоминать ужасное бегство сначала по коридорам большого непонятного дома, по камню и битому стеклу большой-пребольшой комнаты, потом по темному ночному лесу и сующимся под ноги корням. И уж тем более не хотелось вспоминать, как Карина убила тех двоих взрослых дядек в доме. Наверное, они заслужили – Яна не понимала, что они хотели сделать, но хорошо помнила всплеск страха и отвращения, который почувствовала Карина. Но все равно – тайна ее с Кариной общая, и пока про нее рассказывать нельзя. И она просто сказала, что они убежали, разбив большую стеклянную стену, и спрятались в лесу, а утром пошли искать еду, и Карина заболела, а она, Яна, принесла ее в заброшенный дом, где и встретила Палека.

Наверное, Палек заметил, что она что-то не договаривает, но лезть с лишними вопросами не стал. Вместо того он сказал несколько скверных запрещенных слов, которые мама не позволяла говорить даже папе, а потом неожиданно похлопал девочку по плечу.

– Все взрослые – гады, – с чувством сказал он. – Ну, может, кроме некоторых, вроде Дзинтона или нашей директорши. Но Дзинтон тоже еще почти молодой. От меня вот родители отказались еще в роддоме. Ты не плачь, что у тебя родители умерли. Ты лучше думай, как хорошо, что ты с ними столько лет жила. А если бы они умерли раньше?

Яна недоверчиво посмотрела на него и вдруг, уткнувшись ему в плечо, разревелась. Палек неловко погладил ее по спине. Он явно не знал, что надо делать с плачущими девочками, и потому чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, Яна быстро заставила себя успокоиться и отодвинуться.

– Пойдем в магазин, – шмыгая носом, сказала она. – Дзинтон, наверное, уже беспокоится.

– Таким образом, блистательный господин майор, я могу констатировать один очень простой факт: служба охраны Института совершенно некомпетентна. Ну что же, случается...

Директор масарийского филиала Института человека сложил руки подушечками пальцев и с добродушной улыбкой посмотрел на начальника службы охраны. Кайн невольно поежился. Этот импозантный седовласый человек был наиболее опасен именно тогда, когда вот так ласково улыбался. Майор подозревал, что опытный психиатр нашел бы у блистательного господина Джоя Митеры немало любопытных отклонений, но все местные психиатры, психологи, философы и прочие душеведы работали на самого Джоя. И даже если они и анализировали его личность, то предпочитали держать язык за зубами – по крайней мере, на территории Института.

– Господин директор, – сухо ответил майор, – боюсь, ты слишком строг к нам. Ни одна система охраны не может защитить от такой цепочки невероятных совпадений. Сбой блокиратора транспортного сейфа, заклинившие запоры аварийной двери, короткое замыкание в системе питания камер слежения, учения роты охраны на дальнем полигоне, неудачно подвернувшийся «саркофаг» со вторым девиантом... Убери отсюда хотя бы один элемент – и беглецы сейчас сидели бы в своих боксах или, по крайней мере, оказались бы мертвы.

– Да, да, да... – покивал директор. – Ужасные, невероятные совпадения. Наверное, к их числу нужно отнести и двух бесследно растворившихся в населенной местности замерзших, голодных и дезориентированных детей. И полицию, которая не может найти их вторые сутки. И полицейских собак, которые отказались брать след. И даже отсутствие трупа малолетней сучки Карины, которой полагалось сдохнуть без антидота максимум через сутки! – внезапно рявкнул он во весь голос.

– Я не могу отвечать за полицейских собак, – огрызнулся полковник. – Я их, знаешь ли, не натаскивал. Хотя сложно предположить, что обычные ищейки пойдут по следу девианта, насквозь пропитанному лекарственными запахами, особенно когда мы не можем толком объяснить кинологам, кого и зачем ищем. А насчет яда – извини, господин директор, вопрос не ко мне, а к умникам из Минобороны.

– Я сам знаю, кому и какие вопросы мне задавать! – прошипел директор, преображаясь. Взгляд его глаз за стальной оправой очков стал совершенно безумным. Он с размаху врезал кулаком по столу и поднялся на ноги. – А вот ты, господин майор, придержи язык за зубами. Если ты еще раз первым ляпнешь про Минобороны даже просто при мне, не говоря уже про других, я тебя...

Запиликал настольный коммуникатор, и тут же, без подтверждения, прорезался голос чоки-секретарши:

– Господин директор, госпожа заместитель директора Эхира требует немедленной встречи.

Директор зашипел от ярости. Несколько секунд он стоял, сжимая и разжимая кулаки, но в конце концов умудрился взять себя в руки.

– Пусть войдет, – сквозь зубы процедил он.

Кайн вполне понимал чувства своего непосредственного шефа. За две недели пребывания в Институте стерва умудрилась нажить себе врагов практически везде – в основном своими настойчивыми требованиями допустить ее к инспекции лабораторного корпуса, предоставить доступ к программам и материалам секретных экспериментов, а также острым как бритва языком, способным, кажется, нарезать дольками гранитный окатыш. Майор не понимал, благодаря каким политическим играм она умудрилась стать заместителем директора и что она вообще здесь делает, но, будь его воля, чокнутую суку уже давно нашли бы где-нибудь в горах неудачно сорвавшейся с обрыва. Однако когда дверь директорского кабинета скользнула в сторону, открывая проход, он уже стоял с каменным лицом, на котором не читалось ни малейшего проблеска эмоций.

– Итак, господин Джой, ваше расследование по-прежнему не дало никаких результатов, – с места в карьер заявила стерва. – И, полагаю, наш выдающийся начальник охраны уже подробно описал, какие именно объективные обстоятельства помешали найти двух сбежавших из-под опеки детей. Верно, господин Кайн?

Майор даже не пошевелился. Много чести в перепалку вступить!

– Однако, – ничуть не смутившись его молчанием, стерва повернулась к директору, – я надеюсь, что руководство Института в лице господина Джоя поделится со мной чуть большим количеством информации, чем с журналистами. Итак, поваленное ветром дерево уже забыто. Вторая версия разнесенного вдребезги холла лабораторного корпуса – неосторожное обращение с оружием. Никто не хочет мне пояснить, с каких пор частью экипировки охранника стали осколочные гранаты или что-то похожее? Или я что-то упустила, и теперь пуля любого пистолета может отбросить контрольную камеру в сотню килограмм весом на десяток саженей и больше?

– Госпожа Эхира, – на лице директора заходили желваки, – я, кажется, уже сто раз тебе объяснял, что допуском в лабораторный корпус обладают только специально отобранные надежные люди, в число которых ты неходишь и никогда не войдешь. Любая информация о происходящем там является для тебя такой же засекреченной, как и для журналистов. Твоя зона ответственности – департамент этической философии. Вот им и занимайся.

– Вот как? – мурлыкнула стерва. – Ну что же, я готова последовать твоему указанию. Хочешь ли ты узнать, что полагает этическая философия по поводу экспериментов, проводимых над малолетними детьми? Невинных таких экспериментов, по программам Седьмого департамента Министерства обороны?

Начальник охраны невольно дернулся. Откуда она?..

– Тихо! – гаркнул директор. – Госпожа Эхира, я не знаю, откуда ты нахваталась подобной чуши про министерство, но в этих сказках правды не больше, чем...

– Чем в официальной версии насчет событий вчерашней ночи? – язвительно перебила его стерва. – Ну-ну. И что, господин директор, ты совсем-совсем ничего не хочешь мне рассказать?

– Прошу тебя немедленно покинуть кабинет, великолепная госпожа, – прорычал директор. – Немедленно! Или я прикажу охране тебя вывести!

– Разумеется, – фыркнула стерва. – У самого-то у тебя кишка тонка даже малолетнего ребенка удержать... блистательный господин Джой Митера.

Она развернулась и, гордо вскинув подбородок, вышла. Дверь автоматически закрылась за ней. Директор не торопясь подошел к начальнику службы охраны и аккуратно, двумя пальцами, взял его за узел форменного шейного шнура.

– Откуда. Она. Знает. Про. Седьмой. Де-пар-та-мент? – отчетливо проартикулировал он. – Только не говори мне, майор, что утечка идет внутри Института. Я ведь тогда живым тебя отсюда не выпущу.

Глядя в его бешеные глаза, майор как-то сразу поверил, что тот не шутит. Может, и не из кабинета, но из Института – точно.

– На территории Института она под непрерывным наблюдением, – просипел он пересохшим горлом. – Под круглосуточным. Она ни разу не разговаривала ни с одним человеком, владеющим информацией. Ни с одним! У нее какие-то свои каналы. Я могу тихо взять ее сегодня же и...

– Нет, – оборвал его директор, отпуская шнурок, и майор сразу же почувствовал немислимое облегчение. – Нет. Пока нельзя. У нее слишком большие связи. Пока, – он выделил голосом слово, – нельзя. Ну, а там решим. На поиск сбежавших бросить все силы, какие только можно и какие нельзя. Живы они или нет – мне они нужны обе в таком состоянии, в каком их можно найти. Пусть даже трупами. Имей в виду, майор, в суде можно свидетельствовать с четырнадцати лет, если только растрогавшиеся присяжные не позволят в виде исключения

тринадцатилетнему. Или тринадцатилетней – вроде Карины. Ты понял, майор? Если что, похоронят нас рядышком. Так что не прекращать поиски до тех пор, пока соплячки не найдутся, живыми или мертвыми. А сейчас свободен.

– Так точно, – майор козырнул и, печатая шаг, вышел из директорского кабинета. Где-то в глубине живота у него образовался маленький холодный комочек. Имел это директор на самом деле в виду или нет, но ведь даже идиомы можно иногда понимать буквально...

Тащить полные сумки вверх по улице оказалось тяжело, тяжелее, чем Яна думала. Она, перекосившись на бок, мужественно топала по дорожке меж кустов, загнанно дыша и мотая головой в ответ на предложения Палека взять пакет с продуктами.

Дзинтон ожидал их в дворике, полулежа на скамейке и нетерпеливо постукивая пальцами по чугунному подлокотнику.

– Вам только у смерти на посылках бегать, – фыркнул он. – Я уж испереживался. Что так долго – в магазине проблемы?

– Не-а, – качнул головой Палек. – Мы... поиграли немного. Извини.

– Ладно. Только играйте возле дома, хорошо? Чтобы я не волновался? Кстати, об играх.

Он сел прямо и ткнул пальцем в большую плоскую коробку рядом с собой.

– Вот. Не первый год с собой таскаю – выбросить жалко, а играть надоело. Видели раньше такое?

Дети, плюхнув пакеты прямо на землю, дружно сунулись носами к коробке. Дзинтон, усмехнувшись, чем-то щелкнул и откинул крышку, под которой оказался плоский серый экран.

– Игра называется «сто сорок четыре», – пояснил он. – В ней сто сорок четыре фишки, тридцать шесть раз по четыре штуки, – он что-то нажал и продемонстрировал на экране Яне с Палеком фишку с замысловатым рисунком. – Тридцать четыре набора содержат одинаковые фишки, два – разные. Из фишек можно складывать фигуры. Вот, например, один из раскладов, «классический».

Он быстро нажал три цифры на встроенной сбоку коробки панели, и на экране возникла масса фишек, выстроившихся в сложную трехмерную конструкцию.

– Суть игры в том, что одинаковые фишки нужно снимать парами. Одно снятие – один ход. Но фишку можно снять, только если ее не прижимают сверху другие фишки, а еще остается открытой правая или левая сторона. Например, вот эту пару снимать нельзя, а ту можно. Если играет один человек, его задача – снять все фишки, не оставив ни одной. Далеко не всегда получается: каждый раз фишки ложатся в разные позиции, так что иногда расклад не сходится, а игроку засчитывается поражение. Если играют вдвоем или большим количеством народу, то выигрывает тот, кто снимает последнюю доступную пару, неважно, остались ли еще фишки или нет. Понятно? Ну-ка, давайте, найдите здесь несколько свободных одинаковых пар.

Яна с Палеком переглянулись и уставились в экран, наморщив лбы. Яна сообразила первой.

– Вот, – ткнула она пальцем в фишку с полукруглым значком. – Или нет, она не свободна. Вот. И вот.

Две фишки на экране замигали и исчезли.

– Молодец, – одобрил Дзинтон. – Палек?

– Вот и вот.

– И ты тоже гений. В общем, игра в вашем распоряжении. Набираете три цифры вот здесь – появляется соответствующий расклад, вот кнопка – перетасовать и запустить с начала тот же расклад. Здесь указано, сколько еще свободных пар осталось. Снизу индикатор батареи – не забывайте заряжать от розетки, а то отключится на самом интересном месте. Зарядный шнур вытягивается сзади. Ладно, развлекайтесь.

Он вскочил со скамейки, подхватил пакеты и ушел в дом.

– Чушь какая-то, – недовольно сказал Палек. – Даже экран не объемный.
– Наоборот, интересно, – возразила Яна. – Смотри: вот еще две пары. И вот еще одна.
– Ага, классно, – рассеянно согласился Палек. – Слушай, ты тогда побудь здесь, а мне надо... по делам сбегать.

– По делам? – Яна недоуменно посмотрела на него. – По каким?
– По разным, – туманно ответил мальчик. Он повернулся и вышел в ворота двора, махнув рукой на прощание. Яна удивленно посмотрела ему вслед. Интересно, куда он направился? Ох уж мне мальчишки с их секретами...

Она посмотрела на игру и вздохнула. Лучше бы Дзинтон какую-нибудь куклу подарил. Хотя откуда у него кукла, он же взрослый мужчина. А сколько здесь значков – аж в глазах рябит! Ну ладно, за неимением лучшего...

Все получилось просто. Очень просто. Очкастый дядька в магазине даже не заметил, что его пелефон перекочевал из поясной сумочки в карман Палека. Он вообще не заметил пропавшей, пока не пришла пора расплачиваться за покупки у кассы. Жаль, нельзя остаться и еще немного полюбоваться на выражение его физиономии, когда он растерянно хлопал себя по одежде, пытаясь понять, как же теперь платить – бумажных денег у него, похоже, с собой не оказалось. И еще жаль, что пелефон все-таки заблокирован кодом, не как у некоторых лохов, не удосуживаются делать даже этого. Тогда их электронный кошелек становится таким же удобным для чужих, как и бумажный. За пелефон без кода Морж сверх его цены давал половину лежащего в кошельке.

Ну ладно, лохов в мире много. И никто не обращает внимания на десятилетнего мальчишку. Скользнуть пальцами в карман или сумочку, вытащить деньги, пелефон или еще какую мелочь и смыться, быстро, но не вызывая подозрений. Легко! А Дзинтон еще беспокоился, что детей дорого содержать. Да я им денег наберу больше, чем они смогут потратить!

Мальчик толкнул дверь небольшого магазинчика с выставленными на витрине пелефонами всех цветов и моделей, и просочился внутрь. Морж, стоящий за прилавком, увидев посетителя, мгновенно стер с лица нацепленную дежурную улыбку.

– Чем могу служить молодому господину? – сухо спросил он, глядя сквозь Палека.

Вместо ответа тот чуть вытащил из кармана пелефон, продемонстрировав его краешек хозяину. Тот кивнул головой в сторону двери в подсобное помещение. Мальчик юркнул туда, и Морж, бросив на улицу быстрый взгляд сквозь витрину, последовал за ним.

– Что принес? – спросил он, прикрывая за собой дверь.

– Вот, – Палек протянул ему пелефон.

– Дрянная штука, – поморщился скупщик. – Сама по себе дешевка, да еще и редкая, обвеску к ней не найдешь. И с кодом. Двести.

– Мало! – обиделся Палек. – Как же редкая, вон, я недавно такой же видел на Парковой в витрине. И не дешевка – он пять тысяч стоит, если новый.

– Вот именно, если новый и в комплектации, – буркнул Морж. – Ладно, четыреста. Последняя цена. Бери или топай отсюда, шкет.

– Ладно, – с неохотой согласился Палек. Он рассчитывал на пятьсот как минимум, но по опыту знал, что больше одного раза Морж цену не повышает. Он сунул отсчитанные скупщиком бумажки в карман, где уже лежали оставшиеся от похода в магазин восемнадцать маеров и выскользнул в дверь.

Он уже не видел, как по лицу скупщика скользнула тень презрительной ухмылки.

– Тысячи за три с половиной уйдет, пожалуй, – пробормотал Морж под нос. – Интересно, сколько в нем денег? Сейчас, дружок, мы тебя поставим на разблокировку...

Он прошел в неприметную дверцу, сунулся в шкаф и, порывшись, достал оттуда интерфейсный кабель. Подцепив его одним концом к пелефону, а вторым – к стоящему на столе терминалу, он поводил пальцами над сенсорной панелью, запуская программу взлома.

– Вот так, – удовлетворенно кивнул он. – Авось к завтрашнему утру справится.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, он вышел обратно в подсобку – и остолбенел. В его собственном кресле сидел, играя выкидным ножом, совершенно незнакомый ему парень.

– Ты кто? – резко спросил скупщик. – Что ты здесь делаешь?

Парень медленно поднял на него безразличный взгляд.

– Я тут сижу, – пояснил он скучным голосом, словно разговаривая с идиотом. – Тебя жду. Вот, дождался.

Скупщик растерялся. Гость явно не принадлежал к числу известных ему воров – ни к тем, кто приносил краденое, ни к тем, кто изредка приходил от Касама за данью. Кто-то новенький? Но к нему никогда не являются с улицы, только по рекомендации. И рекомендующий в первый раз обязательно присутствует сам. Или гость не вор?

Между тем парень неторопливо поднялся, приблизился к скупщику и приставил ему к животу лезвие ножа.

– К тебе только что приходил мальчик, – все тем же скучным голосом произнес он. – Он принес вещь. Я ее забираю.

– Но я ему честно заплатил... – прошептал скупщик, теряя голос.

– Твои проблемы. Мне плевать, что ты скупаешь краденое. Я не занимаюсь чисткой города от мелкоуголовной швали вроде тебя. Но сейчас ты отдашь мне аппарат, или я выпущу тебе кишки. Понял? Или повторить?

Скупщик мелко затряс головой. Нет, не вор. Да наплевать, кто он, пусть подавится! Потом можно накапать Касаму, что уличная шпана совсем оборзела, и слишком много думающего о себе придурка возьмут за яйца. Но сейчас пусть берет, что надо, и убирается. Тем более, что и надо-то ему не так много.

Он ткнул пальцем в сторону дверцы:

– Там. Там лежит.

– Неси.

Скупщик краденого юрко, несмотря на преклонный возраст, проскользнул в дверь и пару секунд спустя вынырнул оттуда со злополучным пелефоном в руке. Парень выхватил устройство, бросил на него небрежный взгляд и взял Моржа за горло железной рукой.

– Теперь слушай меня внимательно, дядя. Если ты еще раз возьмешь у того мальчика хоть что-то, хоть пустую бутылку из-под газировки, я тебя изувечу так, что тебя до конца жизни в цирке показывать станут, в отделении «Уроды мира». А если попробуешь жаловаться кому-то, сдохнешь очень неприятной смертью.

Перед глазами скупщика взблеснуло лезвие, на мгновение оторванное от его живота, и он мелко закивал. Вот так попал! Да уж он в следующий раз лучше сам щенка в полицию сдаст, чем снова с этим психом дело иметь станет. Нет уж, пусть с ним Касам разбирается.

– Понятливый. Молодец, – удовлетворенно произнес парень. – Ладно, дядя. Бывай.

Он толкнул дверь подсобки и вышел. Скупщик стоял, часто и тяжело дыша, и смотрел ему вслед. А не староват ли он для такой жизни? – вдруг пришло ему в голову. Может, пора бы уже остепениться? Уже накопленных денег ему хватит до старости, а общаться с чокнутыми каждый раз становится все напряжнее.

Сглотнув вязкую слюну, он поплелся в торговый зал. Нет, определенно стоит задуматься, не пора ли отойти от дел...

Палек вприпрыжку бежал по дорожке, предвкушая, как удивится Яна, увидев содержимое пакета у него в руках. Мороженое следовало съесть в первую очередь, но и до засахаренных

лимонов, и до заварных пирожных дело тоже дойдет. На жалкие восемнадцать маеров, оставшихся от денег Дзинтона, разумеется, такого не купить. Он причмокнул, предвкушая пиршество. Интересно, а нельзя ли как-то приспособить янины способности для того, чтобы таскать пелефоны и кошельки?

– Палек!

Мальчик повернул голову и удивленно остановился. Рядом с дорожкой, у ствола старого толстого марона, скрестив руки на груди, стоял Дзинтон. Отлепившись от ствола, он подошел к мальчику и задумчиво посмотрел на него сверху вниз.

– Хорошее настроение, да? – непонятым тоном спросил он. – Решил еще раз сбегать за покупками? И даже деньги нашел на дороге?

Палек вздрогнул. Он как-то не подумал, как станет объяснять Дзинтону, откуда взялись деньги.

– Ну-ка, друг милый, пошли, потолкуем под сенью золотой листвы, – парень крепко ухватил Палека за плечо и отвел в сторону от дорожки, к старому полусгнившему пню. – Присаживайся, родной. Ты мне ничего сказать не хочешь?

Палек тупо помотал головой. Вот попался так попался! Почему же он сразу не подумал? Все, кранты. Теперь Дзинтон точно сдаст его в полицию. Или нет, полицию он не любит. Тогда, значит, выгонит из дома. Ну и подумаешь!

– И даже эта вещичка тебе не знакома?

Тот самый пелефон возник в руке Дзинтона словно из воздуха. Палек сглотнул. Откуда у него?.. Он что, следил за магазином Моржа? Но как Морж отдал ему?..

Дзинтон взял его под мышки и усадил на пень. Потом присел на корточки, так что их глаза оказались вровень.

– Палек, зачем ты воруюешь? – спросил он. – Ты не наелся утром? Так попросил бы добавки, нашлось бы. Или ты просто привык к легким деньгам? Ты ведь не первый раз кражами занимаешься, верно?

Мальчик насупился. Ну вот, сейчас начнет читать нотацию. Лучше бы сразу дал по шее да выгнал.

– Не первый. Так почему? Впрочем, я и так знаю. Ты думаешь, что по карманам шарить легко. Деньги, которые почти сами идут в руки. И почти безопасно – никто не обращает на тебя внимания, а если и поймают ненароком, то можно пустить слезу и разжалобить, авось и отпустят. Тебе всего десять, а ты уже можешь купить еду и вещи, которые не могут позволить себе дети даже из не самых бедных семей. Ты чувствуешь себя значимым, ощущаешь превосходство над остальными. Так?

На последнем слове голос Дзинтона резко изменился, хлестнув мальчика по ушам словно кнутом, и тот машинально кивнул. Ну да, все так. А что плохого, если чувствуешь себя крутым?

– Так вот, ты ничуть не лучше блох, которые живут на собаке, – голос Дзинтона наотмашь сек его по живому. – Они, наверное, тоже думают, что крутые – ведь собака весь день бегаёт в поисках пропитания, а им достаточно лишь запустить хоботок ей под шкуру, чтобы вдоволь насосаться крови. Ты – вошь, гордящаяся тем, что она паразит. У всех вокруг есть какие-то мечты, стремления, жизненные планы, а что есть у тебя? Мысли о том, что бы украсть, как повыгоднее продать краденое, а на вырученное нажраться и напиться повкуснее? Что у тебя в будущем, кроме инспекции по делам несовершеннолетних, детдома для малолетних преступников, а потом полицейского инспектора, наркотиков и тюрьмы? Ты именно такой жизни ищешь – жизни вора и беглеца от закона? Именно такая мечта тебе нужна – не попасться завтра на очередной краже? Зачем ты вообще живешь на свете? Отвечай!

Палек вздрогнул и опустил голову.

– Я хотел накопить денег, чтобы путешествовать, – угрюмо сказал он. – Билеты на поезд дорогие. Я же не беру много! – вдруг яростно сказал он, вскидывая взгляд. Ему почему-то

страшно захотелось убедить Дзинтона, что он не такой. – Я не ворую все время! Подумаешь, один пелефон! Он же богатый, он себе другой купит! И потом, если он такой лох, то сам и виноват!

– Путешествовать... – голос Дзинтона снова изменился, стал мягче и глуше. – Вот, значит, как. И из детдома ты убегаешь, потому что нравится бродить по миру? Понятненько... Палек, скажи мне честно – а если бы ты мог путешествовать без денег, ты бы стал воровать?

– Нет, конечно, – буркнул мальчик. – Что я, не понимаю, что ли, что красть нехорошо?

– Не понимаешь, – отрезал Дзинтон. – Понимал бы – не крал. Палек, каждый человек от рождения наделен свободой выбора. Люди – не тролли, которые без вбитого с детства чувства долга и чести превращаются в диких зверей. И не орки, жизнь которых по большей части с младых ногтей определяется общиной. Люди могут выбирать, и я свободу выбора за ними признаю, пусть даже сам выбор мне не всегда нравится. Но в моем доме нет и никогда не появится воров и бандитов.

Он выпрямился.

– Вчера я сказал тебе, что Яне нужен друг. И ты таким другом стать можешь. Но друг-вор ей не нужен. На первый раз сделаем вид, что ничего не случилось. Но если ты снова украдешь пусть даже конфету с лотка, я тебя не знаю. Живи где хочешь и как хочешь, но у меня ноги твоей больше не будет.

Он снова наклонился к лицу мальчика, и его голос стал мягким и вкрадчивым:

– Ты мечтаешь путешествовать. Я могу сделать так, что твоя мечта исполнится. Но, ради всех богов обоих континентов, не уничтожай свое будущее своими же руками! Договорились?

Палек швыркнул носом и нехотя кивнул.

– Вот и замечательно. А теперь, сделай милость, отнеси пелефон хозяину. Вторая Морская, дом семь, квартира двадцать четыре, господин Янада. Там домофон, имена написаны на щитке. Читать, надеюсь, умеешь? Скажешь, что нашел в магазине на полу, а кассирша подсказала, где ты живешь. Она и в самом деле его знает. И имей в виду, в пелефоне его недельное жалование, так что не разбей и не потеряй. А по пути выброси мусор, – он ткнул пальцем в пакет со сладостями, – в ближайшую урну. И возвращайся скорее – вам с Яной надо учиться правильно кормить Карину. Не забыл, что с завтрашнего дня это ваша обязанность? Ладно, топай, самостоятельный ты наш.

Дзинтон потрепал мальчика по волосам и зашагал в сторону отеля. Палек остался сидеть на пне, чувствуя сквозь шорты, как твердые щепки впиваются ему в ягодицы. Ничего себе выволочка! Давно ему так не влетало. Вошь, гордящаяся тем, что она паразит... Лучше бы выпорол!

Он посмотрел на зажатый в кулаке злополучный пелефон. Откуда он у Дзинтона? И откуда Дзинтон знает, где живет тот дядька и что его знает кассирша? Тут точно какая-то тайна. А он, Палек, тайны любит. Ладно, решено. Он больше не станет воровать. По крайней мере, пока живет в отеле с Дзинтоном и Яной. Но ведь он там не останется навсегда, верно? В конце концов, невежливо навязываться посторонним людям. Так что пока что с воровством завязали, а потом... потом можно подумать еще раз.

Мальчик соскочил с пня, подхватил с земли сиротливо лежащий пакет и споро зашагал обратно в город. Вторая Морская... где она? А, ладно. Наверняка где-то неподалеку.

Карина сознавала, что спит. Она плавала в блаженном полузабытье, не чувствуя тела. Боль, раньше всегда преследовавшая ее даже в кошмарах, растворилась в нигде, и светлая легкая пелена тепла и спокойствия окутывала ее. Иногда она вспоминала, что нужно бежать, что за ней обязательно придут, но не оставалось сил всплыть на поверхность окружающего океана, и она опять проваливалась куда-то вниз, позволяя волнам убаюкивать себя.

Иногда она все же выныривала на поверхность сна, чувствуя солнечное тепло на лице и слыша щебет птиц где-то то ли далеко, то ли совсем близко. Раздавались человеческие голоса, слышались шаги, и тогда она понимала, что лежит на кровати в небольшой светлой комнате, и в приоткрытое окно вливается насыщенный терпкий запах весеннего леса. Но потом ее снова окутывало забытие, и она опять проваливалась в глубины океана.

Иногда осторожные прикосновения будили ее, и тогда ее невидимые руки напрягались, готовые крушить и убивать, но голос Яны успокаивал ее, и она послушно глотала еду – то теплый вкусный бульон, то пресную кашу, то какое-то непонятное пюре, запивала ее водой, глотая какие-то таблетки. В какой-то момент у нее скрутило живот, и она встала с постели, не понимая, куда и зачем ей идти, но потом сообразила и воспользовалась горшком, который подставила Яна. В другой раз что-то злое и острое вцепилось изнутри ей в сердце и голову, но тут же испуганно притихло, бежав от рук молодого мужчины, который – она точно знала – может защитить ее от чего угодно. Она улыбнулась ему благодарной улыбкой и тут же уснула снова.

Потом она снова полупроснулась-полувсплыла на поверхность, разбуженная приглушенными голосами. В комнате стояла темнота, за плотно закрытым окном посвистывали цикады.

– Говорю же тебе, нет нужды! – с досадой произнес мужской голос. – У меня появятся деньги завтра или послезавтра, так что я куплю все, что надо.

– Ну, а я купила уже сегодня, – безмятежно возразила невидимая женщина. – Подумаешь, несколько пододеяльников и простыней! Тем более – по ценам для служащих.

– И детское белье. И сандалии. Сколько ты потратила – четыре тысячи, пять? Шесть?

– Не скажу! И потом, я тратила деньги, которые хотела отдать за жилье. Раз пока что я за него не плачу, у меня остается не так мало.

– Неважно. Главное, что ты все равно не можешь себе позволить покупать лишнее.

– А ты можешь?

– Я – могу. И, в отличие от тебя, не беру на себя финансовые обязательства, которые не могу выполнить. Цу, я очень благодарен за помощь, но деньги я тебе верну. Если не скажешь, сколько потратила, вычислю сам.

– Ох, и зануда же ты, господин Дзинтон Мураций!

– Тс-с! Карину разбудишь. Давай-ка уйдем из коридора.

Голоса удалились. Карина сонно удивилась, что взрослые ругаются непонятно о чем. Сон постепенно уходил, и она все лучше и лучше осознавала себя.

Новый позыв в животе заставил ее выбраться из-под одеяла, которое уже оказалось в пододеяльнике, и воспользоваться горшком. Тело пронизывала страшная слабость, и она поспешила улечься обратно в постель. Где она? Что вокруг за люди? Где Яна? Ей казалось, что она видела подругу, слышала ее голос, или нет? Прошлое тонуло в тумане, и даже побег из Института и события следующего дня казались далекими и нереальными. Она прислушалась к себе. Побаливал живот, но как-то глухо и неуверенно, словно боль слышалась откуда-то из-под подушки. Руки и ноги казались вялыми, словно сделанными из тряпок. Но ее не тошнило, и ей не хотелось есть. Наверное, ей все же не снилось, что ее кормят.

Где она? Точно не в Институте. В голове всплыли слова Яны про то, что их подобрали... как их звали, тех людей? Память отказывалась служить толком. Все равно. Их подобрали и не вернули в Институт. Это хорошо. Но могут вернуть в любой момент. Или не могут? Что там говорила Яна?

Мужской голос в коридоре. Дзинтон? Дядька, которого она, кажется, видела в забытие? Но... он действительно не может ее никуда отдать, она точно знает. Непонятно откуда, но знает, как точно знала в Институте, где выход. Он защитит. Раз он рядом, не все так плохо. Но разве он сможет защитить ее от Института? От солдат с автоматами? Нет, наверное. Тогда все равно надо уходить. Надо убежать из города, подальше от Института, и тогда их с Яной не найдут.

Надо только немного прийти в себя, как приходишь после падения и болезненного удара коленками об асфальт. Отдышаться, утереть слезы – и идти дальше.

Решено. Она побудет здесь еще день или два. А потом скажет спасибо и уйдет вместе с Яной. Вот только что делать, если Яна захочет остаться? Не тащить же ее силой!

Надо поговорить с Яной. Завтра. Обязательно поговорить. А пока можно отдохнуть...

С этими мыслями она незаметно для себя снова задремала.

Серое пасмурное утро пришло с уютным барабанным стуком дождя по жестяному подоконнику. Капли мягко шуршали по листве деревьев, постукивали по каким-то доскам, журчал неведомо где ручеек. Невидимая упорная птаха назло непогоде высвистывала незатейливую мелодию из трех нот. Бездумную полудрему нарушила Яна, появившаяся в дверях вместе с незнакомым русоволосым мальчишкой ее возраста, большой кружкой безумно вкусно пахнущего рыбного бульона с накрошенными листиками зеленого лука, петрушки и укропа и парой кусков мягкого белого хлеба. Мальчишку звали Палек, и Яна болтала с ним так, словно знала его всю жизнь. Сначала Карину даже кольнула ревность – с ней самой Яна держалась заметно скованно, словно еще не понимая, как к ней относиться – как к смертельно больной умирающей или же как к выздоравливающей. Но потом она и сама свыклась с мальчишкой: тот, казалось, словно излучал неяркое обаяние своей щербатой улыбкой, облупленным носом и веселой непосредственностью юной мартышки. Пока она, обжигаясь, осторожно тянула бульон, Палек с Яной развлекали ее непринужденной трепотней о всем подряд.

Напряглась Карина только один раз – когда Палек, на секунду заколебавшись, спросил: – Слушай, а ты тоже... как Яна? Ну, вещи двигать можешь без рук?

Карина, поперхнувшись, бросила разъяренный взгляд на подругу, но та лишь беспечно пожала плечами.

– Что ему, с обрыва было падать? – спросила она. – Ты не бойся, он слово дал, что никому не расскажет. Верно, Лика?

– Честное-пречестное, пусть я лопну напополам, если вру! – поклялся мальчик, дважды пальцем нарисовав в воздухе круг. – Так ты тоже, да?

– Тоже, – буркнула Карина. – Только если кому скажешь, я тебя сама напополам лопну, понял?

Она ткнула опустевшую кружку невидимой рукой, так что та отлетела к ногам и шлепнулась на одеяло.

– Круто! – с завистью выдохнул Палек. – Ну почему я так не могу, а? Почему?

– Потому что везунчик, – у Карины сразу испортилось настроение. – Попал бы ты в Институт, понял бы, почему. Знаешь, что со мной там делали?

Внезапно ей захотелось рассказать, как жгут кожу капли жидкого пламени, пробивающиеся сквозь отчаянно отмахивающиеся от струи невидимые руки. Как корчит тело от электрических разрядов, пробившихся с железных штырей сквозь поставленный барьер. Как оставляют синяки пробивающие защиту медленные стальные шарики и как едко секут кожу каменные брызги от ударяющих в сантиметре от тела быстрых кусочков свинца. Как нарастает тупая боль в тех местах, где вдавливаются в тело шипы опускающейся сверху стальной плиты, которую невозможно удержать невидимыми руками... Однако она подавила порыв. Не стоит малышне знать такие вещи, особенно Яне. Достаточно того, что ужасы еще долго станут сниться ей самой по ночам. Так что она просто вздохнула и отвернулась. Впрочем, Палек быстро оправился от смущения за свою неловкость и рассказал, как он однажды застрял в узком каменном лазу в заброшенном полуразрушенном подвале. Вообще-то там, наверное, было страшно, но в его исполнении получилось даже смешно, и Карина оттаяла.

Примерно через полчаса в комнату заглянул тот самый молодой мужчина, которого Карина помнила по своим снам.

– Треплеться? – поинтересовался он. – Привет, Карина, я Дзинтон, не забыла? Как ты себя чувствуешь?

Он подошел к кровати, улыбнулся девочке и пощупал сначала ее лоб, потом зачем-то шею над ключицей, заглянул в глаза и улыбнулся снова.

– Ты быстро оправляешься, – сообщил он. – Но сегодня тебе стоило бы еще полежать в постели. Желудок, знаешь ли, штука деликатная, ему после приступов покоя нужен. Но если совсем не вмоготу станет валяться – можешь немного погулять в саду. Только никаких усилий, понятно? Не бегать, не прыгать, не поднимать ничего тяжелее цветка. Палек, если что, ты ответственный, ага?

– Ну вот еще, за девчонками приглядывать! – фыркнул тот. Дзинтон укоризненно посмотрел на него, и тот пожал плечами: – Ну ладно. Только пусть она меня слушается, а то еще скажет, что старшая, и все.

– Не скажет, – усмехнулся Дзинтон. – Она у нас умница, сама все понимает. Кстати, мелюзга, а вы чего тут расселись? Сегодня, между прочим, ваша очередь по кухне дежурить, а там посуда немытая грудой лежит. И обед готовить тоже вы сами должны. Рецепты на столе в кухне, продукты в холодильнике и овощных корзинах, вода в кране, электричество в плите, ножи на подставке. И имейте в виду, обедать я хочу не позже полудня, как максимум – в час дня. А времени, между прочим, полдевятого. Не успеете – голодный я страшен. И вполне могу слопать вас обоих.

Он подмигнул Карине, слегка щелкнул ее по носу и вышел. Девочка против воли улыбнулась. Да, он действительно хороший. Он ее в Институт не отдаст.

Палек протяжно вздохнул и пихнул Яну в плечо.

– Пошли, – недовольно сказал он. – Ох уж эти взрослые! Подумаешь, посуда немытая... Яна соскочила с кровати.

– Вчера Дзинтон в кухне дежурил, – пояснила она. – А сегодня мы с Палеком. Дзинтон говорит, что иждивенцев у нас нет. Он, конечно, хороший, но нудный... – Она тихонько хихикнула. – Сегодня утром опять с Цуккой ругался, что та деньги на нас потратила, а она его снова педантом и занудой обозвала. Цукка – тетенька, которая тоже с нами живет. Ты еще спать хочешь? Тебя, между прочим, велено пять раз в день кормить.

Она подошла к двери и почти уже вышла, но вдруг остановилась и обернулась.

– Карина, – дрожащим шепотом спросила она, – ты ведь не станешь убивать Дзинтона, да? И Цукку с Палеком? Ну пожалуйста, не надо!..

Карине словно дали пощечину. Она дернулась, словно ее ударили электротоком.

– Дурочка! – зло сказала она. – Они же нам помогают! Я что, ненормальная?

Да, холодно сказал голос у нее внутри. Ты ненормальная. Ты убийца.

Внезапно перед ее внутренним взором всплыли голубые глаза. Растерянный взгляд молодого охранника – первого, кого она убила в Институте. Голубые глаза над дулом пистолета, пальцы, дрожащие на спусковом крючке, и недоумение во взгляде, секунду спустя сменившееся смертной отстраненностью. Тогда она почти не обратила на него внимания, бездумно перешагнув через трупы – впереди ее ждали другие враги. Но теперь...

Сколько она убила тогда, пытаясь вырваться на волю? Память не сохранила деталей – только хаотичные картины: барабанивший в железную пластину тяжелый град, отчаянные вопли умирающих, кровь и безжизненные тела под ногами... А раньше? Она убивала и раньше, еще до Института убивала отчаянно, бездумно, случайно, иногда вовсе не желая того, но – убивала.

Что она наделала? Как она могла? Она, забитая сирота из детского дома, и мухи не обидевшая до того рокового дня, когда впервые ощутила яростную стальную пружину своих невидимых рук, сносящих головы обидчикам-мальчишкам. Она убийца.

Убийца.

Раньше у нее не оставалось времени, чтобы задуматься. Сначала она пряталась и убегала, и ее мысли занимало одно: где найти еду и укрыться от холода и людей. Потом ее привезли в Институт, и проведенное там время совсем не отложилось в памяти, если не считать ужасных часов, проведенных на испытательных стендах. Потом опять бегство – и вот теперь она наконец-то в безопасности. И она может вспоминать.

Но она не хочет вспоминать! Она хочет забыть все, что происходило. Все беды, которые вызвала. Она хочет, чтобы все стало так, как до появления невидимых рук.

Она сжалась в комок, с головой укрывшись под одеялом. Темнота охватила ее со всех сторон, но голубые глаза все так же стояли перед взором. Тот охранник – ведь он, наверное, не старше Дзинтона! Может, если бы он нашел ее в лесу, больную и умирающую, тоже подобрал бы ее и выходил. Но он умер. Его убила она.

«Ты ведь не станешь убивать Дзинтона, да?»

Я не хочу, не хочу, не хочу! – яростно и беззвучно кричала она в пустоту. – Я не хочу быть убийцей! Я просто хочу жить! Оставьте меня в покое, пожалуйста, пожалуйста!

Слезы катились по ее щекам, рыдания сотрясали тело. Она обязательно убежит снова. Она не хочет, чтобы ее нашли. Она не хочет обратно в Институт, и она не желает снова убивать. Значит, надо бежать. Может, где-то в другом месте она найдет покой, но не здесь. Здесь слишком опасно...

Постепенно успокоившись, она выпростала голову из-под одеяла, шмыгая носом и утирая глаза пальцами. Яны в комнате уже не оказалось. Однако почти сразу по коридору раздались быстрые шаги, и в дверь снова вошел Дзинтон.

– У-у! – произнес парень, присаживаясь на край кровати. – Что случилось, малышка? Из-за чего реки слез и вселенская скорбь? На улице и без тебя воды хватает, ты уж не затапливай еще и комнату, ладно? Смотри, что я принес.

Он протянул ей толстую бумажную книжку в глянцевой обложке. Карина, швыркнув носом, взяла ее и недоверчиво глянула на обложку. На рисунке стояли пятеро: люди – парень с саблей и девушка с кинжалом, оскаливший в ухмылке двойной ряд острых зубов тролль с изогнутым мечом в одной руке, орк с посохом – к его ногам жался огромный волк – а чуть в стороне оказался еще один мужчина-человек с пустыми руками, вглядывавшийся куда-то в сторону. Далеко позади возвышались горы, над которыми вздымался высокий гриб атомного взрыва, а над головами компании висела тяжелая туча, похожая на руку с пятью короткими пальцами. Струи дождя тянулись к стоящим, странно напоминая веревочки кукол-марионеток, и внизу картины ярким золотом на голубой синеве тянулись буквы: «Делай что должно».

– Сказка? – полувопросительно произнесла девочка.

– Сказка, – кивнул Дзинтон. – Да только не совсем. Наверное, рановато тебе еще такие вещи читать, но у меня ничего более подходящего нет. Как-то не рассчитывал я на компанию девочек твоего возраста. Но ничего, интересно. Почитай, пока валяешься, а то от скуки взвонешь. Телевизора у меня нет, уж извини, и лишнего терминала – тоже.

Он отложил книгу на стол и склонил набок голову.

– И все-таки – чего плачешь? – спросил он. – Живот снова болит?

Карина мотнула головой.

– Так... просто, – хрипло сказала она.

– Просто так даже кошки не рождаются, – вздохнул Дзинтон, погладив ее по голове. – Не надо грустить. Прошлое осталось в прошлом. О нем нельзя забывать, но смотреть надо вперед.

Неожиданно для себя Карина ухватила его кисть обеими руками и прижала к щеке. Мягкое тепло его ладони медленно распространилось по коже, и она почувствовала, как отпускает давящая тяжесть на сердце.

– Ой, как все плохо... – пробормотал Дзинтон. – Ну-ка, малышка, иди ко мне.

Он осторожно высвободился, приподнял Карину и прижал ее к себе. Девочка зарылась носом в его плечо и крепко обхватила парня руками.

– Все закончится хорошо, Кара, – тихо произнес Дзинтон, осторожно поглаживая ее по спине. – Все кончится хорошо. Не бойся ничего. Тебя больше не тронут.

Карина шмыгнула носом и отпустила его. Дзинтон осторожно уложил ее обратно в кровать и прикрыл одеялом.

– Все кончится хорошо, – еще раз сказал он, встал и вышел, улыбнувшись на прощание.

Карина осталась лежать, бездумно глядя в потолок. Тяжесть на сердце ушла, растворившись в пустоте серого дождливого утра. Странно, но она вдруг почувствовала, что где-то внутри зарождается неясное предчувствие будущей радости. Пока еще только предчувствие – но уже не тоска.

Она полежала еще немного, потом протянула руку и взяла книгу со стола. Зашелестели страницы.

«Зелено-голубая планета неторопливо, как ей и положено, вращалась вокруг своей оси. На восточном материке солнце уже заходило за горизонт, и лиственные леса в долинах покрылись предвечерними сумерками. Удлинившиеся тени мягко покрывали изумрудную траву заливных лугов, поверхность рек покрылась мгновенными всплесками – в них играла рыба, охотившаяся на вылетевших в этот день шестикрылых бабочек-однодневок. Зайцы, пугливо озираясь по сторонам, спешили добраться до своих тайных логовищ, пока тьма, населенная страшными чудовищами – волками и совами – не накрыла их, предательски отупляя чувства, обрекая на жестокую расправу голодным хищникам. Подчиняясь своей натуре, дневные охотники, зевая во всю пасть, забивались поглубже в кусты и норы, чтобы забыться неверной ночной дремотой, в то время как ночные, досматривая последние сцены предвечерних снов, чутко подергивали носами и нервно вздрагивали крыльями, предвкушая вкус свежей крови. И только один хищник не думал оставить хотя бы на время свою непрерывную охоту.

Только человек умеет убивать и днем, и ночью...»

Шелестели страницы, минуты складывались в часы. Весь день Карина, подчиняясь Дзинтону, провела в постели. Яна с Палеком приносили ей еду, болтали ни о чем, даже показали игру «сто сорок четыре», которую тоже, как оказалось, подарил Дзинтон. Ее игра оставила равнодушной – фишки прямо-таки мельтешили в глазах, и разобрать, где какая, казалось решительно невозможно. Однако ее друзья – они ведь друзья, настоящие друзья, верно? – казались сильно увлеченными игрой. Палек хотя и фыркал пренебрежительно, но в его глазах горел тот же азартный огонек, что и у Яны.

Вечером появилась Цукка – высокая темноволосая тетенька, довольно молодая. Она вела себя с Кариной весело и непринужденно, но когда ее взгляд случайно падал на еще не сошедшие синяки на руках и теле, она вздрагивала и отводила глаза. Интересно, подумала Карина, а она Дзинтону кто – сестра или любовница? Фамилии у них разные – значит, не сестра. Но они спят в разных комнатах – Дзинтон на втором этаже, а Цукка на первом, рядом с Кариной, так что, наверное, они не любовники. Тогда почему они живут вместе в старом отеле? Вообще почему они живут в отеле?

Цукка Карине тоже понравилась. Она разговаривала хотя и держа некоторую дистанцию, но как с равной, без сюсюканья и раздражения, которое часто проскальзывает у взрослых, общающихся с детьми. Впрочем, потом Цукка обмолвилась, что у нее есть единокровные брат и сестра возраста примерно Яны с Палеком, так что все стало понятно. Да и не такая она и тетенька, между прочим. Иногда хихикает совсем как девчонка. И легкомысленный хвостик на затылке делает ее еще моложе. Наверное, у Карины могла бы быть такая старшая сестра.

Уже поздно вечером, когда все разбрелись по своим комнатам спать, Карина долго лежала без сна. Она снова и снова вспоминала лица Дзинтона, Цукки, Яны, Палека, и незнако-

мые чувства начинали переполнять ее изнутри. Она уже почти не помнила родителей, умерших давно-давно, целую вечность назад, когда она была совсем маленькой. Она даже не помнила, есть ли у нее настоящий папа. В ее памяти остались лишь смутные воспоминания о маме да детском доме, куда она попала два с половиной года назад. Хотя нет – потом она еще два года провела в Институте, только их она очень плохо помнит (а как странно думать, что теперь тебе уже тринадцать!) Она уже забыла, как жила в семье, с мамой и папой. От детского дома же осталось ощущение серой унылости и постоянного страха перед старшими злыми мальчишками, а от нескольких периодов бегства и скитаний – лишь чувство отчаяния и постоянного голода.

Но сейчас... сейчас вокруг нее оказались люди, которые не относятся к ней, как к досадной помехе. Которые не боятся ее невидимых рук. Которые почему-то заботятся и беспокоятся о ней. Люди, которых она, кажется, готова полюбить. Девочка вздохнула. Вот бы хорошо, если бы Дзинтон стал ее папой, Цукка – мамой, а Палек с Яной – братом и сестрой. И тогда они жили бы одной семьей, и она даже могла бы их защищать от плохих людей.

Дура. Ты и себя-то защитить не можешь, навалилось на нее. Наоборот – придут сюда солдаты с автоматами и убьют всех, и тебя, и Яну, и Дзинтона с Цуккой, и Палека. Или, еще хуже, их убьют, а тебя вернут обратно в Институт. Надо бежать, запульсировала в голове знакомая мысль. Надо бежать, надо бежать, надо бежать. Пусть ей тут хорошо сейчас, но если она останется, то станет плохо, и очень скоро. И не только ей. Она не может так отплатить Дзинтону с Цуккой за их помощь. И вообще, невежливо обременять чужих людей. Она вот только немного выздоровеет, и тогда можно отправляться дальше...

Она еще немного полежала, глядя в потолок и прислушиваясь к барабанному стуку капель вновь начавшегося дождя, а потом незаметно для себя уснула. И во сне она вновь видела растерянный взгляд голубых глаз над дулом пистолета, и шагала через валяющиеся на полу тела, и пыталась закрыться от капель жидкого пламени...

Наутро она, впрочем, решительно выбралась из постели. В руках и ногах все еще чувствовалась странная слабость, но лежать в кровати сил уже не хватало. У Цукки оказался выходной, несмотря на огнедень. Она объяснила, что у продавщиц график выходных, как она выразилась, скользящий, так что они редко отдыхают, как остальные люди, в небодень и деньдень. Карина вдруг поняла, что названия дней недели начали путаться у ней в голове, и она несколько раз повторила полустершуюся из памяти цепочку: период, огонь, вода, дерево, золото, земля, день, небо – «по воде зозем денеб». Сколько же она забыла на самом деле с тех пор, как убежала из детского дома? Хорошо хоть читать не разучилась! Она попыталась сложить в уме несколько чисел. Мысли путались, но со сложением она, кажется, справилась. А вот умножить семь на восемь она уже не смогла: таблица умножения, казалось, напрочь стерлась из памяти. Ты дура, сказала она себе. Нельзя быть такой глупой. Надо вспоминать!

Впрочем, слабость в теле не давала сосредоточиться, так что таблицу умножения она оставила на потом. Она босиком бродила по окружающему отель парка, ступая по мокрой земле, радуясь развидневшемуся небу и блаженно чувствуя на лице лучи пробивающегося в прорехи солнца. Увязавшиеся следом Палек с Яной наперебой тянули ее в разные места, чтобы показать красивые и укромные уголки, обнаруженные ими за последние два дня. Больше всего девочке понравилась высокая скала над крутым обрывом саженях в тридцати от ограды, куда от парка, петляя, спускалась узкая заросшая тропка. Со скалы открывался потрясающий взгляд на раскинувшуюся внизу бухту, по которой сновали катера и медленно шествовали большие корабли, на причалы и большие краны, на большие бетонные трубы от пирсов к расположенным гораздо выше складам. Трубы, как объяснил всезнающий Палек, скрывали внутри транспортеры, использующиеся для подъема грузов от кораблей в цунамибезопасную зону.

– Если не защищать, – пояснил Палек, – то первая же волна их разрушит. И склады нужно высоко в гору поднимать. Говорят, когда-то их пытались строить ближе к воде, только

с толстыми-толстыми стенами, но волны их быстро разрушали, приходилось переделывать. А трубу, даже если волна ее разобьет, можно быстро починить.

– А что такое «цунами»? – поинтересовалась Карина. Слово вроде бы она знала, но обнаружившаяся в голове каша требовала пояснений.

– Ты никогда про цунами не слышала? – недоверчиво покосилась на нее Яна. – Ну ты даешь! Такая огромная волна, саженей тридцать в высоту, которая приходит из океана и выплескивается на берег. Говорят, случаются волны даже в сто саженей, но, наверное, врут. Если рядом с морем стоять, то она тебя смоеет и расплющит. И дом может расплющить, и даже корабль на берег выкинуть. Вообще совсем рядом с морем никто не живет, а дома строят высоко на горе. Видишь, город до моря не спускается, там пустой берег?

– И на плоских побережьях никогда не живут, – подхватил Палек. – Потому что там волна проходит далеко на сушу, иногда даже на версту или две, и все смывает. На берегу можно жить только в местах, где он сразу круто вверх поднимается. И если к воде спускаешься купаться, нужно все время слушать цунами-предупреждение.

– Да уж... – поежилась Карина. – А что такое «цунами-предупреждение»?

– Ну, сирена такая, – пояснила Яна. – Когда волну замечают следящие станции далеко в океане, они на берег предупреждение передают. И время, через которое она берега достигнет. Когда дают предупреждение, толстые такие басистые гудки – сколько часов осталось, а высокие и пронзительные – сколько десятков минут. А перед ними такой еще гудок дают дважды – «у-у-у», – она изобразила поднимающийся и падающий тон.

– А как тогда корабли по морю плавают? – поинтересовалась Карина. – Им-то на берег не выбраться и не спрятаться.

– Так в океане же волна маленькая, почти незаметная. Она только ближе к берегу вырастает. Нам в школе рассказывали, – Яна наморщила лоб, – что она тем выше и быстрее, чем глубина меньше. Так что корабли просто близко к берегу не ходят, а далеко в море они носом к волне встают, и им ничего не делается. Вот если их в порту сигнал застанет, тогда плохо – приходится погрузку-разгрузку прекращать и быстро в море выходить, где поглубже.

– А откуда волны берутся в океане?

– Нам в детдоме училка рассказывала, что они от вулканов, – сообщил Палек. – Далеко-далеко на юге, в Коралловом архипелаге и еще много в каких местах. Вулканы под водой извергаются, и от них получают волны.

– Глупый, не от вулканов, а от тек-то-ни-чес-кой ак-тив-но-сти, – по слогам произнесла Яна. – Когда земля трясется и трескается. Если в стакан воды налить и по стенке щелкнуть, там тоже волны пойдут.

– Понятно... – Карина замолчала и подтянула колени к подбородку, задумчиво разглядывая город и бухту. Она никогда раньше не попадала к морю, и все вокруг казалось странным и удивительным. Облака окончательно расплзлись неведомо куда, и она грелась в лучах теплого, почти уже летнего солнца.

После обеда – сейчас вся компания, не помещавшаяся за небольшим кухонным столом, располагалась в столовой – Цукка решительно поднялась из-за стола и уперлась руками в бедра.

– Вот что, граждане, – заявила она. – Вы, может, и согласны жить в свинарнике, а я – нет. Посмотрите вокруг – всюду пыль, на столах, шкафах, на полу. Окна грязные, на раковины в ваннных и на кухне смотреть страшно, про унитазы вообще молчу. Объявляю сегодняшний день уборочным и помывочным. Временных инвалидов, – она покосилась на Карину, – от работ освобождаем, остальные – даже не надейтесь.

– Кого я привел в дом! – картинно взялся за голову Дзинтон. – Женщина на корабле – кошмар, но в доме – еще хуже. Цу, лапочка, а нельзя обойтись, а? Чесслово, я тут полгода живу, и ничего, пока не помер от грязи. Я же подметаю!

– И от уборки не помрешь, – фыркнула Цукка. – Ничего страшного, дом небольшой. Вчетвером за три-четыре часа управимся. Дзи, рассказывай, где здесь подсобка. Ни за что не поверю, что швабры и половые тряпки хозяева утащили с собой.

Дзинтон посмотрел на детей, вздохнул и развел руками.

– Если женщина решила навести чистоту, следует либо подчиниться ей, либо связать веревками и засунуть в дальнюю кладовку. И что-то мне подсказывает, что второй вариант чреват для нас жертвами. Ладно, Цу, уговорила. Раз в полгода можно и убраться. Кладовка в конце коридора, такая маленькая запертая дверца. Не знаю, что там, ключ от нее на общей доске не висел. Ничего, сейчас откроем...

Он сбегал к себе в комнату и принес несколько длинных стальных палочек с загибами. Карина заметила, что при их виде глаза Палека заметно округлились. Впрочем, они округлились еще больше, когда парень, ловко орудуя ими, меньше чем за минуту открыл запертый замок.

– Но ведь ты говорил... – тихо сказал Палек.

– Говорил, и повторю, если понадобится, – оборвал его Дзинтон. – Несмотря ни на что, наш уговор остается в силе.

Похоже, они продолжали какой-то давний разговор, но непонимающе на Дзинтона взглянула не только Карина, но и Цукка. Однако задавать вопросов никто не стал. В чулане действительно нашлись и ведра, и швабры, и старые пыльные тряпки, и через пять минут в доме уже кипела работа. Карина не пожелала оставаться в стороне, и ей торжественно вручили большую кисть для сметания пыли, поручив чистить все горизонтальные поверхности, которые только найдутся. Остальные начали с того, что вытащили из всех комнат во двор матрасы и подушки, закинули их на забор и как следует выбили палками. Окна кухни и столовой, выходящие во двор, пришлось временно закрыть – облако пыли поднялось такое, что солнце над двором заметно потускнело. Потом пол во всех комнатах на обоих этажах сначала промели, а потом долго терли швабрами. Когда очередь дошла до душей, ванн и унитазов, Дзинтон посмотрел на моющее средство, которое Цукка принесла из своего магазина, и молча покачал головой. Он написал на бумажке название другого средства и отправил за ним в магазин Палека как самого быстрого, а пока тот бегал, вместе с Яной и Цуккой быстро перемыл и протер кучу шкафов, полок и шкафчиков в кухне.

Несмотря на нудную работу, Карина почему-то не скучала. Дзинтон с Цуккой весело перешучивались, Яна с Палеком, топоча, носились из комнаты в комнату, и девочка в конце концов заразилась общим приподнятым настроением. Благодаря неунывающей Цукке рутинная неприятная работа превратилась в какую-то забавную игру. Протертые от многолетней пыли и грязи окна радостно блестели, впуская в комнаты дневной свет, и на душе становилось легко-легко, словно все беды и опасности навсегда остались позади.

До комнаты Дзинтона очередь дошла последней. Карина, поколебавшись, толкнула дверь и вошла внутрь. Ничего особенного – такие же кровать, платяной шкаф, стол и деревянный стул с мягким сиденьем, как и в остальных комнатах. Правда, на кровати имелось аккуратно заправленное покрывало, а на столе лежали книги, проекционный диск и сенсорная панель терминала, но тем отличия и исчерпывались. В темном облаке дисплея крутился замысловатый рисунок из текущих переплетающихся линий. Карина сунула в него руку и несколько секунд наблюдала, как линии голограммы струятся у нее над кожей, иногда упираясь в нее и словно пропадая внутри руки. Потом она случайно задела рукой сенсорную область над панелью, и линии пропали, а вместо них возникло изображение небольшой серой птицы с раскинутыми в стороны крыльями.

– Пользователь не опознан, – негромко сказал тихий женский голос. – Биометрические параметры в базе отсутствуют. Пожалуйста, не пытайтесь получить доступ к чужому устройству.

Прозвучало несколько мелодичных тактов, и птица пропала, а вместо нее снова поплыли линии.

Карина с интересом посмотрела на терминал, но снова коснуться не решилась. А вдруг Дзинтон рассердится? Она подтащила стул к шкафу, кистью смела с его верха пыль, потом слезла и подошла к окну. Распахнув его и стряхнув наружу, в парк, грязь с подоконника, она подошла к столу и снова посмотрела на терминал.

– Любопытствуешь? – Дзинтон стремительно вошел в комнату и бухнул на пол ведро воды. – Мое рабочее место. Я здесь по клавишам стучу.

– По клавишам? – удивилась Карина. На сенсорной панели клавиш, как у пианино, совсем не наблюдалось.

– Ну, выражение такое, – пояснил парень, обмакивая швабру в воду и шлепая ее на пол. – Раньше текст в компьютер вводили с помощью таких досок с кнопками – для каждого буквослога своя кнопка, называлось «клавиатура». Клавиатуры сейчас редко применяют, и те проекционные... ну, светом значки на столе рисуют, но выражение осталось. Ну-ка, подвинься, я под тобой пол протру...

Карина отступила в сторону.

– А сложно с терминалом работать? – робко спросила она.

– У меня не терминал, а компьютер. Но нет, в общем-то, не сложно. А ты что, не пробовала никогда? Хотя бы в школе?

Карина покачала головой. Не рассказывать же ему, что в первых классах с терминалом не работали, а потом, в детдоме, ее постоянно оттесняли в сторону более нахальные девчонки и мальчишки.

– Плохо, – резюмировал Дзинтон. – Хм... к своему компьютеру я никого не пускаю. Он не предназначен для... других целей. Надо подумать – наверное, где-то можно найти старое устройство, чтобы вы с ним работать учились. Ладно, порешаем. Ну-ка, подвинься еще раз.

После уборки Карина почувствовала себя нехорошо. Она забралась в постель – на сей раз матрас обтягивала чистая простыня, приятно холодившая кожу. Как раз настало время очередного кормления, и она попробовала отказаться от теплого пресного риса, сославшись на усталость, но бдительная Цукка, встревожившись, позвала Дзинтона. Тот заглянул Карине в глаза, пощупал пульс на шее, помассировал какие-то точки под затылком, и ей стало легче. Потом он помял ей живот – иногда Карина уже почти вздрагивала от предчувствия боли, но он успевал остановить нажим за мгновение до того, как становилось по-настоящему скверно.

– Да, подружка, – задумчиво скривил он губы. – Плохо пока что. Понимаешь, у тебя желудок сильно воспален, хотя уже и не так сильно, как поначалу. Лекарства ты хорошие пьешь, они помогают, но и тебе побережись надо. Когда ты лежишь, желудок ничто не сжимает. Он расправлен и отдыхает. А когда ты ходишь, наклоняешься, приседаешь, он у тебя сжимается, и ему становится хуже. Так что ты бы все-таки еще пару дней полежала в постели, не вставая. И уж точно много не ходи. А есть надо. У тебя еще и кишечник толком в себя не пришел, не станешь есть – начнутся запоры, штука очень неприятная.

Карина послушала его и сегодня больше не вставала.

Проходили дни. Слабость в теле постепенно пропадала, боли в животе приходили все реже и реже. Дзинтон отдал детям несколько старых бумажных книг и пообещал раздобыть еще. Карина читала запоем. Она обнаружила, что приключения сказочных героев, происходящие далеко-далеко, в других временах и на другом континенте, увлекают ее, заставляя воображать себя там, в гуще событий. Она вместе с Отрядом пробиралась сквозь лесные болота под беззвездным небом, и скакала вместе с тарсаками в конной лаве, и заложницей сидела запертой в монастыре, и дралась со злобными гуланами... Осадные башни, опасно раскачиваясь, медленно приближались к стенам окруженного города, могучие маги объединяли свои усилия, чтобы противостоять вражеским колдунам, карета с похищенной принцессой мчалась сквозь

глухую чащобу, и пиратский флот вместе с эскадрами злобного Майно брал в клещи обреченный торговый караван, отчаянно пытающийся прорвать блокаду Крестоцина.

Как ей хотелось оказаться там, в сказочном мире, где ее невидимые руки оказались бы просто еще одним колдовским даром! Или даже вообще без них. И тогда она смогла бы нормально жить, не скрываясь и не убегая, а просто жить... ну, и еще иногда ненадолго убежать из дома на поиски приключений, как Палек сбегает из своего приюта. Но потом она вздыхала и отбрасывала глупые мысли – жить в книжках нельзя. Вот она выздоровеет еще немного, и... Что «и», ей задумываться не хотелось. Она все больше и больше привязывалась к Дзинтону, Цукке, Палеку, Яне, к старому отелю, окружающему его парку, скале над обрывом, пробирающимся сквозь заросли тайным тропкам, к раскинувшемуся внизу городу, куда Дзинтон пока ее не пускал, но куда она обязательно спустится одним солнечным утром, чтобы босыми ногами ощутить брусчатку старых мостовых и теплый асфальт тротуаров...

Если бы ей предложили выбрать дом на всю оставшуюся жизнь, она бы без колебаний согласилась остаться здесь. Но глубоко внутри по-прежнему жил тайный страх, не дававший спокойно спать по ночам. Не раз и не два она просыпалась ночью в холодном поту, сбрасывая одеяло, рывком садясь на кровати, чтобы бежать, неважно куда, но бежать. Она нервничала, замыкалась, уходила на обзорную скалу и часами сидела там, бездумно наблюдая за океаном. Однажды она видела, как пришла большая волна: море отхлынуло от берегов, обнажая дно, а потом вздыбилось высоким пенным гребнем, переламывающимся посередине, и яростно обрушилось на скалы побережья, а потом прорвалось сквозь горловину бухты и ударило по волнорезам и бетонным ангарам, в которых укрылись яхты и катера, высоко заливая крутой берег. Порой Карине казалось, что она вот так же сидит на морском берегу, наслаждаясь солнцем и теплым песком пляжа, а где-то вдалеке уже катится невидимая пока волна сокрушительного цунами, готовая вот-вот обрушиться на нее, наказав за беспечность.

Каждый день утром она обещала себе, что сегодня начнет собираться и думать, куда отправится вот-вот – завтра или послезавтра. Но день проходил, и она так и не находила сил, чтобы действительно задуматься о новом побеге. Она даже не могла решить, нужно ли ей брать с собой Яну – та, казалось, чувствовала себя здесь как дома. Вспоминая родителей, она еще иногда тихо плакала, забившись в кусты, но обычно оставалась веселой и беззаботной.

Помимо мыслей о побеге Карина мучилась из-за того, что, кажется, единственная в доме не умеет обращаться с кухонной утварью. И Цукка, и Дзинтон одинаково ловко управлялись с ножами и поварешками. Смотреть, как они крошат овощи, чистят рыбу, нарезают мясо или переворачивают на сковороде жарящиеся оладьи, было одно удовольствие – словно на фокусников в цирке. У Яны так пока не получалось, но и она довольно уверенно держала нож в руках, а Палек, казалось, с ножом просто родился – лезвие так порхало в воздухе, словно являлось частью его руки. Правда, когда дело доходило до овощей, вся его уверенность куда-то пропадала, и ломтики получались кривые и косые, разные по толщине, а во время чистки рыбы он однажды так порезал указательный палец, что потом два дня не мог толком работать рукой. Но и у него день ото дня получалось все лучше.

У Карины же, самостоятельно назначившей себя в пару Дзинтону во время его кухонных дежурств, все просто валилось из рук. Нарезка Палека казалась настоящим шедевром по сравнению с тем, что получалось у нее. Каши и овощи под ее приглядом подгорали, суп и молоко убегали, заливая плиту пеной, рис пересушивался, и даже обычные сосиски, за которыми она присматривала, однажды сгорели почти в уголь, когда она, задумавшись и уставившись в окно, позволила выкипеть воде, в которой они варились. Она злилась и нервничала, но Дзинтон лишь весело хмыкал.

– Учись, Кара, – сказал он ей во время второго дежурства. – Учеба – дело сложное, с первого раза никогда не выходит. Ты ведь, если подумать, в первый раз на кухне, а мы все

хоть как-то, но имели с ней дело и раньше. Не переживай – через два-три периода пальцы привыкнут к правильным движениям, станет легче.

Два-три периода? Карина едва не брякнула, что не намерена здесь задерживаться и недели, но вовремя удержалась. Ему, кажется, нравится играть роль папаши семейства, так зачем расстраивать его раньше времени?

Впрочем, прошла неделя, подходила к концу вторая, а собраться с духом Карина так и не смогла. И мысль о побеге становилась все глуше, появляясь в голове все реже и реже.

03.06.843, земледель

Джойма Парадия, директор детского дома «Солнечный», тяжело оперлась лбом об упертые в столешницу руки. Сегодня решительно все шло наперекосяк.

С утра в учебном классе сгорело сразу два терминала. Давно не отремонтированную проводку закоротило, и не защищенные от бросков напряжения устройства не выдержали. Вызванный по договору обслуживания техник появился часа два спустя, покачал головой, развел руками и сообщил, что блоки питания придется менять целиком. И совсем не факт, что после тестирования не выявятся повреждения в электронной начинке.

Покупать новые терминалы решительно не на что. Текущий счет почти пуст, и выделить нужную сумму даже на ремонт блоков питания совсем не просто. Теперь детям придется сидеть за рабочими местами уже по трое.

В районе обеда прорвало водопроводную трубу в подвале. Заметили прорыв только после того, как она фонтанчиками брызнула из подвальных окон и веселыми ручейками потекла по газону перед главным корпусом. Гран, дворник, он же садовник, он же привратник, он же прислуга за все, героически промок насквозь. В темном – лампы включить не рискнули, чтобы влажную проводку не закоротило еще раз – затопленном помещении при тусклом свете налобного фонарика он сначала долго пытался нащупать заржавевший запорный вентиль, а потом с трудом проворачивал его газовым ключом. А затем возбужденные приключением воспитанники долго вычерпывали воду, тоже промокнув если не насквозь, то хотя бы наполовину. К счастью, ремонт коммуникаций в общественно-значимых учреждениях, к которым относились и муниципальные детские дома, осуществлялся за счет средств мэрии, так что хотя бы на них тратиться не придется. Но как минимум до завтра воду на кухню и в туалеты придется таскать ведрами от ближайшей водоразборной колонки, к счастью, сохранившейся неподалеку. А если кто-то из воспитанников серьезно простыл?

Наконец, вскоре после завершения вычерпывания из отдела по защите детства при мэрии явилась комиссия – представительная старая гримза, похоже, старая дева, в жизни не воспитавшая ни одного ребенка, и мышастый неприметный господин, игравший роль ее то ли секретаря, то ли советника. Гримза долго выпрашивала об условиях содержания детей, о применяемых наказаниях, о моральном состоянии воспитанников, многозначительно покачивая головой. Едва ли не половина вопросов относилась к Палеку: инспекторша явно решила, что мальчик сбежал из-за издевательств воспитателей или сверстников и сейчас упорно пыталась заставить директора признаться. Мышастый господин усердно записывал все ответы не только на диктофон стоимостью в ползарплаты Джоймы, но и на листы бумажного блокнота огрызком самого настоящего карандаша, откопанного, не иначе, где-то в музее.

Лишняя нервотрепка в дополнение к обычной беготне привела к тому, что сейчас директор, полностью вымотанная, сидела в своем кабинете. Она пыталась не думать, что сейчас придется тащиться домой, в пустую квартиру, потому что личная жизнь к сорока годам так и не сложилась, и на скорую руку готовить что-то из полуфабрикатов, чтобы сразу после ужина рухнуть на кровать и забыться тяжелым неровным сном. А завтра с утра – все сначала.

Зачем я все барахтаюсь с утра до ночи? – пришла мысль. Не проще ли бросить все и уйти... куда? И оставить малолетних разбойников, которым она хоть как-то пытается заменять мать? Но как же ей надоело!

И куда делся Палек? Все, что угодно, только бы он остался жив!

Тихий стук заставил ее встрепенуться. Дверь, пискнув, приотворилась. На пороге стоял совершенно не знакомый ей юноша.

– Добрый вечер, – негромко сказал он. – Мне сказали, что...

Он замолчал и прошел к столу.

– Великолепная госпожа директор Джойма Парадия? – спросил он. – Как я понимаю, рабочий день уже закончился? Судя по твоему внешнему виду, он оказался не из легких.

– Судя по моему внешнему виду, меня, наверное, пора уже закапывать, – невесело вздохнула директор. – Не день, кошмар какой-то. Если ты по делу, господин, то тебе придется прийти завтра. Не обессудь, но сегодня я уже не в состоянии разговаривать о серьезных вещах.

– Я действительно по делу, – согласился гость. – Госпожа Джойма, у меня есть предложение. Давай поужинаем вместе, а попутно обсудим одну небольшую проблему, которая, уверен, не дает тебе покоя больше всего. Я имею в виду отсутствующего воспитанника.

– Палек? Палек Брин? – вскинулась директор. – Ты... что с ним? Где он?

– С ним все в порядке. Мальчик у меня в гостях, цел, невредим и обзавелся новыми друзьями. Однако он не горит желанием возвращаться обратно.

– Вполне его понимаю, – директор почувствовала, как где-то внутри распускается тугой узел. Жив. Главное, жив и здоров. Несносный мальчишка! В какой раз он убегает – в третий, четвертый? Сколько нервов на него потрачено! – К сожалению, государство отвечает за него до совершеннолетия, так что вернуться ему все же придется. Прости, господин, с кем имею честь?..

– Не такая уж и честь, – улыбнулся юноша, и директор внезапно почувствовала, как накопившаяся усталость уходит без следа. Все закончится хорошо, и это главное. – Меня зовут Дзинтон Мураций. Рад познакомиться, госпожа, прошу благосклонности. Но я вижу, что ты голодна, госпожа директор. Пойдем, я угощаю. А вот кто за кого отвечает и что можно поменять, мы как раз за ужином и поговорим. Ресторан отсюда минутах в двадцати пешком, и пока мы идем, ты как раз успеешь рассказать мне, что за ребенок такой – Палек Брин.

05.06.843, небодень

– Да, я ее видела, – хозяйка зеленой лавки кивнула, возвращая фотографию. – Она буквально вчера заходила ко мне с каким-то мальчиком. Да только не верится, что она пропала. Она такая серьезная и сосредоточенная, словно важным делом занимается. Я еще посмеялась про себя – мол, отправили папа с мамой в магазин, как взрослую, вот она и выполняет со всей ответственностью. Нет, ни страха, ни нервозности я не помню. Нормальная девочка, нормальный мальчик, вели себя как друзья. Нет, никаких сопровождающих не заметила, ни в лавке, ни на улице, ну да мне смотреть некогда – у меня чоки-продавец забарахлил, я его в ремонт отдала, самой за двоих крутиться приходится.

– Странно, – словно про себя заметил детектив. – А может, случайно похожая девочка попалась... Родители у нее так убивались, что вряд ли они ее сами к бабушке, или куда там, отправили, да и полиция на ушах стоит. Нет, наверняка просто похожая. И фотография не ахти, и дети часто на одно лицо выглядят.

– Может, и похожая... – согласилась хозяйка, но тут ее отвлек вошедший в лавку покупатель. Детектив терпеливо дождался, пока тот купит сетку апельсинов и выйдет.

– Да, наверное, все-таки просто похожая, – задумчиво сказал он. – Но проверить все равно надо. Вы, случайно, не знаете, где она может жить?

– А как же, знаю, – охотно согласилась хозяйка. – Они с мальчиком купили килограмм десять или двенадцать всяких фруктов, да еще и три пакета сока. Я еще побеспокоилась, донесут ли, предложила своего рассыльного послать, когда тот вернется. Так мальчик отказался – говорит, они тут недалеко в отеле живут, сами дотащат.

– В отеле? – детектив заинтересованно активировал пелефон, готовый записать адрес. – А какие отели есть неподалеку?

– А никаких нет, – откликнулась хозяйка. – Точнее, ни одного не было до недавних пор, пока «Цветок дарию» не открылся. Только «Маронова роща», но он много лет закрытым стоял. Хозяин, знаешь ли, разорился и помер, а наследники только один раз появлялись. Я сама-то не видела, мне подружка...

– Твоя подружка, несомненно, знает много интересного, госпожа, но я тороплюсь, – перебил словоохотливую женщину детектив. – Буду крайне признателен, если укажешь мне, как туда добраться.

– Да вверх по улице, – обиженно поджала губы зеленщица. – Как улица кончится, еще немного через парк. Можно по дороге идти, а можно тропинкой асфальтированной напрямик, там дорога крюка дает.

– Спасибо тебе, великолепная госпожа, – детектив слегка поклонился и бросил на прилавок помятую купюру. – Ты, несомненно, очень мне помогла. Надеюсь, вознаграждение компенсирует потраченное время.

Он еще раз поклонился и быстро вышел, пока болтливая тетка не попыталась рассказать ему что-нибудь еще. Итак, след, и след горячий. После двух недель поисков наконец-то след. Вообще-то он уже начал отчаиваться. Ни его информаторы в самых разных слоях общества, ни знакомые среди полицейских ничего не могли сказать, а фотографии девчонок не вызывали эмоций ни у одного человека. Он уже начал полагать, что маленькие чудища заблудились в лесу в ту ночь и благополучно свернули себе шеи в каком-нибудь овраге.

И вот – след. По крайней мере, одна девчонка, Яна, оказывается устроилась в старом заброшенном отеле. Забавно. Еще период назад, менее чем за неделю до их побега, он срезал здесь тропку и прошел через мароновый парк. Отель тогда выглядел абсолютно нежилым, с выбитыми стеклами, облупившимися стенами и перекосившимися листами шифера на крыше, и на воротах двора болтался огромный висячий замок, покрытый толстым слоем ржавчины. А сейчас наша соплюшка устроилась там – с кем? Что еще за пацан? Конечно, вторая девка могла переодеться в мужскую одежду, но вряд ли. Не в том они возрасте, чтобы так хитро следы путать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.